

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

НОВАЯ СЕРИЯ, ТОМ XIV

РОДОВОЕ ОБЩЕСТВО

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
И ИССЛЕДОВАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА—1954

Н. А. КИСЛЯКОВ

КАЛЫМ И ПРИДАНОЕ У ТАДЖИКОВ

I

Основным, господствующим способом заключения брака среди горных таджиков до Великой Октябрьской социалистической революции являлся брак путем уплаты семьей жениха отцу невесты или лицу, его заменявшему, калыма, заключавшегося в скоте, тканях, продуктах питания, реже в деньгах. Уплата калыма являлась доминирующим моментом при заключении брака и фактически определяла собой и самый порядок и время брачных церемоний, в частности величину срока, протекавшего между двумя основными свадебными праздниками, малым и большим, заканчивавшимся увозом молодой в дом мужа.

Чтобы определить, сколь существенную роль играл калым в жизни населения горного Таджикистана до революции, нам следует ознакомиться с размерами калыма и его составом. Пристальное изучение вопроса о размерах и составе калыма по отдельным районам горного Таджикистана показывает, что величина его значительно варьировалась в зависимости от обстоятельств. Поэтому не будет лишним привести здесь некоторые данные по вопросу о калыме, как имеющиеся в литературе, так и собранные нами на месте.

М. С. Андреев сообщает, что у таджиков долины Панджшира калым нормального среднего размера состоял из 20 голов мелкого скота, двух голов крупного рогатого скота, 1 харвара (около 8 пудов) зерна, 10 серов (пудов) муки, лошади, или 100 рупий деньгами, 2 ружей, 8—10 отрезов хлопчатобумажной материи, каждый размером в 5 газов (аршин). Если жених проживал в каком-нибудь отдаленном селении и невесту должны были увезти далеко от ее дома, то размеры калыма увеличивались¹. По словам М. С. Андреева же², среди припамирских таджиков калым никогда не выплачивался скотом, а состоял из кусков бумажной ткани, носящих название «коля», счет которых ведется на «девятки»; в каждую из них входило по девяти более или менее однородных предметов. А. А. Бобринский³ также не упоминает скота в составе калыма и сообщает, что калым, или по-местному «калинг», носит еще название «нау-нау» («девять-девять») и состоит из материи или готового платья. Согласно сообщению М. С. Андреева, девять кусков бумажной ткани, по 12 аршин длиной и пол-аршина шириной каждый, составляют единицу товара для калыма.

¹ М. С. Андреев. По этнологии Афганистана. Ташкент, 1927, стр. 42.

² М. С. Андреев и А. А. Половцев. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. В сб. МАЭ, 1911, вып. IX, стр. 12.

³ А. А. Бобринский. Горцы верховьев Панджа. М., 1908, стр. 91

Бедные давали в калым от 4 до 7 девяток ткани, богатые — до 15 девяток. Помимо того, богатые прибавляли еще известное количество одеял, войлоков, различной посуды, также считая все это на «девятки». Иногда в калым входили бараньи туши. По А. А. Бобринскому, в калым дают 9 рубашек ситцевых, 9 рубашек из маты (местная ткань), 9 рубашек из тонкой маты, 9 кусков алачи (пестрая полушелковая ткань).

М. С. Андреев и А. А. Половцев сообщают также о том, что известное количество вещей от отца жениха получали и некоторые ближайшие родственники невесты, в первую очередь ее дядя со стороны матери — «тогои». Так, по словам М. С. Андреева¹, тогои невесты перед свадьбой получал «хаки шир» — «плату за молоко», состоявшую из одежды, 20 аршин материи на чалму, двух платков, одной пары калош, одной пары серег и одной большой бараньей туши. Он также выбирал себе одну из лошадей поезжан и одно ружье; из числа полученного калоши и серьги он дарил своей племяннице. А. А. Бобринский² сообщает, что в Шугнана тогои получал даже более значительную часть калыма, чем отец невесты, а именно при богатой свадьбе он получал лошадь, 9 кусков маты, 9 ситцевых рубашек, а отец невесты получал 1 быка и 5 кусков карбоса (местная грубая ткань); мать невесты — шелковый платок, тонкую бумажную рубашку, кожаные туфли и серьги. В свою очередь тогои невесты должен был снабдить свою племянницу одеялами и войлоками. Вообще же А. А. Бобринский замечает, что большая часть калыма достается не отцу невесты, а раздается родственникам.

В напечатанном в 1947 г. автореферате неопубликованной большой работы М. С. Андреева по этнографии таджиков долины Хуфа также сообщается, что значительная часть калыма — хаки шир поступает в распоряжение тогои невесты, а следующая по важности доля — тетке со стороны матери. Доля же отца невесты значительно меньше и не покрывает даже расходов по свадьбе³.

Приведенное выше замечание М. С. Андреева, что среди припамирских таджиков калым никогда не выплачивается скотом, является, вероятно, плодом недоразумения. Как мы видели, сам же М. С. Андреев, а также и А. А. Бобринский, перечисляя долю тогои, говорят о получении последним лошади, а А. А. Бобринский упоминает и быка для отца девушки. Об уплате калыма скотом у припамирских таджиков упоминают более старые авторы. И. П. Минаев⁴ в отношении сарыкольцев (небольшая группа припамирских таджиков, проживающая в пределах Китая) приводит сообщение Форсайта, что жених выплачивает отцу невесты 175 рупий овцами, скотом или лошадьми. Капитан Серебренников⁵ сообщает, что у шугнанцев калым состоит из нескольких кусков материи, лошади, 6 голов баранов и ружья, в общей сложности из 30 или более предметов.

Как мы увидим далее, и в других районах горного Таджикистана известная доля предметов, передаваемых отцом жениха отцу невесты, поступала в распоряжение некоторых других родственников девушки, главным образом в распоряжение тогои, однако нигде доля эта не была столь велика, как сообщают М. С. Андреев и А. А. Бобринский, и не могла даже идти в сравнение с долей отца невесты. Если эти сведения не

¹ М. С. Андреев и А. А. Половцев. Указ. работа, стр. 13—14.

² А. А. Бобринский. Указ. работа, стр. 91.

³ Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. Отделение литературы и языка АН СССР. М.—Л., 1947, стр. 46.

⁴ И. П. Минаев. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. СПб., 1879, стр. 204.

⁵ А. С. Серебренников. Очерк Шугнана. «Военный сборник», 1895, вып. 12, стр. 424.

являются плодом недоразумения, что при трудности выяснения этого вопроса может иметь место, то здесь, вероятно, имеет место определенная специфика припамирских таджиков. Не имея возможности лично заняться исследованием этого вопроса среди припамирских таджиков, мы произвели соответствующие исследования в долинах Язгулема и Ванджа, население которых в культурном отношении стоит весьма близко к припамирским таджикам, отличаясь от последних в прошлом только религиозной принадлежностью. Несмотря на специальные расспросы, нам не удалось нигде слышать о столь значительной доле калыма для тогой или других родственников невесты.

Среди таджиков Язгулема основной ценностью, которую давали в калым, по-местному «каланг», или «мар», являлся крупный скот, а именно лошади, быки и коровы. Зажиточные люди требовали за девушку семь, а иногда и двенадцать единиц крупного скота — «хафт коля» или «дуазда коля». Помимо того в уплату шли материя, пшеница и другие предметы, в особенности котлы и ружья, которые когда-то были, очевидно, большой редкостью в этих оторванных от внешнего мира местах и потому составляли большую ценность. В кишлаке Джамак информаторы нам рассказывали о следующем примерном составе калыма для зажиточной семьи: 3 лошади, 2 быка, 2 коровы, 2 котла, 2 старинных фитильных ружья, шесть 12-метровых кусков белого карбоса, 4 джумавора — отреза материи на халат или одежду, 12 пудов пшеницы, некоторое количество мелкого скота. Помимо того, тогой получал лошадь или быка, старшая сестра невесты — корову. В калым входила также одна корова или бык для убоя — «гови кушт», которую отец девушки при приезде в его дом жениха со своими родственниками должен был зарезать для угощения. В свою очередь отец новобрачной при увозе дочери в дом мужа давал родителям молодого «патахе»: отцу — халат, а матери — платье. В других случаях нами были записаны размеры калыма, состоявшего из 12 коля и соответствующего количества тканей и продуктов. При этом тогой также получал одну голову крупного скота, а мать невесты — корову или барана. Кроме того, нужно было сделать подарок двум ходжа, представителям дома невесты, принимавшим калым; им дарили по халату и по чалме или по тубетейке.

В соседней с Язгулемом долине Ванджа, как нам рассказывали, калым также состоял из большого числа предметов, иногда из двадцати-тридцати, даже пятидесяти. В калым давали лошадь, 2 быка, 2—3 коровы, «турпи» — бычка, «гунаджин» — телку, 2—3 ружья, котел, несколько комплектов одежды — «сару-по», платки, материю для покрывала на голову — «дока», материю на халаты — «джумавор», калоши — «кауш» и другие предметы; кроме того, давали так называемые «кишту гирифт» — корову, двух-трех баранов и пшеницу для предпраздничного угощения; одну корову или барана получал тогой, что здесь также носило название «хаки пир». По материалам А. А. Семенова, относящимся к первым годам XX века, на Вандже богатый давал в калым за жену для сына 3 лошади, 6 коров, 3 барана, 3 ружья, 2 сабли, 3 хлопчатобумажных халата, домотканную материю «карбос» на 12 комплектов одежды, батман пшеницы. Бедняк должен был дать 2 коровы, барана, ружье, 2 сабли, чалму, мужскую рубаху, пару сапог, 2 пуда пшеницы¹.

В Дарвазе нами записан следующий примерный состав калыма: лошадь, 5 голов быков и коров, 4 котла, 5 ружей, 2 ножа, 9 тукузов сару-по (каждый тукуз составлял 3 либоса, т. е. три комплекта материи для одежды),

¹ А. А. Семенов. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. В., 1903, стр. 80.

2 мешка пшеницы, бычок, предназначенный для угощения. Тогои в качестве хаки шир получал одну лошадь, дядя со стороны отца — какую-либо менее ценную вещь. За это тогои должен был приготовить для своей племянницы-невесты одеяла, одежду и сундук. По материалам, собранным А. З. Розенфельд, в Дарвазе за невесту давали 30 разнообразных предметов, или «коля», — лошадь, 2 быка, 2 коровы, несколько овец и коз, 10—15 пудов пшеницы, 2 котла, 6 тукузов материи, 2 ножа, ружье и множество других предметов. В семьях зажиточных — баев или духовенства — иногда удлачивали в качестве калыма 50 коля разнообразных предметов.

В бассейне р. Хингоу в Вахио-боло, согласно данным А. З. Розенфельд, размеры калыма в предреволюционные годы были следующие: в зажиточном хозяйстве — 4 быка, 5—6 коров, 2 лошади с полной седловкой, около 280 метров шелка, адраса (местная полупелюшковая ткань) или сатина, ружье, 2—3 котла; в середняцком хозяйстве — 2 быка, 2 коровы, лошадь, 140 метров материи, ружье, котел; в бедняцком хозяйстве — бык, корова, 100 метров материи, 10 пудов пшеницы, котел. М. С. Андреев для того же Вахио-боло в конце прошлого века записал следующие размеры калыма: в богатой семье — 2 хорошие лошади, 2 похуже, 2 пары быков, 4 коровы, 3—4 теленка, 3 барана, 2 ружья, иногда 1 пика, 20 «красных тряпок», 2—3 мана пшеницы, 1 ястреб, 1 бык на мясо; в средней семье — 2 лошади, 3 быка, 2 коровы, 9 «красных тряпок», 2 теленка, 2 мана пшеницы, баран и бык на мясо, ружье; в бедной семье — лошадь, 2 быка, корова, теленок, ружье, 7 «красных тряпок», 1—1½ мана пшеницы, бык на мясо. М. С. Андреев прибавляет, что при дешевизне скота и невысоком его качестве расходы на калым не так уж велики. Ружья давались обычно местного производства, фитильные. Пика в состав калыма включалась больше для славы: «Сколько разговоров-то, что за дочь такого в вено дана пика», — говорят таджики¹. Указание на то, что в калым дается пика, крайне любопытно. Пики были весьма широко распространены среди населения в прежнее время, в эпоху существования мелких горных княжеств и постоянных междоусобиц. Дача в калым пики, равно как ружей, а иногда сабель и ножей, наводит на мысль, что в старое время оружие являлось существенной составной частью калыма. А. А. Семенов также приводит данные о размерах калыма в бассейне р. Хингоу. Богатая семья давала в калым 2—4 лошади, 2—4 коровы, 3—4 барана, 3—4 ружья, мешок пшеницы, сапоги с туфлями, халат, несколько кусков маты, ситец на 5—7 рубах, шелковой материи на 2 рубахи; бедная семья давала лошадь, корову, барана или овцу, ружье, 3—4 чашки пшеницы, туфли, 1—2 рубахи из маты и ситец на одну рубаху.

В кишлаке Сафедорон мы записали следующий средний состав калыма: лошадь, 2 быка, 2 коровы, котел, ружье, нож, «каушу махси» — мягкие сапоги с калошами, «чодыр» — покрывало, «румоль» — платок, 9 тукуз (девятик) лата, т. е. ткани. Нам разъяснили при этом, что тукузы состояли из либос (одежда), в каждом либосе 6 метров материи; первый тукуз состоял из 9 либосов, второй из 8 либосов и так далее, каждый последующий тукуз на один либос меньше предыдущего, причем один либос в каждом тукузе должен быть из дорогой материи. Таким образом, примерное количество даваемой в калым материи равнялось 270 метрам. Если лошадь, которую давали в калым, была хорошая, то по обычаю отец девушки, получив калым, на свой счет заготовлял «намаду курпа» — одеяла и войлоки для новобрачных; напротив, если отец жениха поспешил и дал в калым плохую лошадь, отец девушки отказывался ее взять и обязывал

¹ М. С. Андреев. Вахио. «Туркестанские ведомости», 1899, № 93.

отца жениха приготовить намаду курпа за счет последнего. Кроме указанного калыма, отец жениха обязан был дать 7 баранов для угощения народа. Часто это угощение устраивалось через большой промежуток времени после свадьбы.

Для Каратегина по вопросу о калыме мы имеем данные, очень неполные, русских туркестанских деятелей 70-х годов XIX столетия К. А. Абрамова и Г. А. Арандаренко и сведения, полученные Е. М. Пещеревой в последние годы. К. А. Абрамов сообщает, что в Каратегине калым уплачивается баранами, козами, крупным рогатым скотом и лошадьми; в зависимости от состояния и знатности дома девушки число баранов, даваемых в калым, колеблется от нескольких штук до сотен, а число лошадей — до десятков¹. Г. А. Арандаренко указывает, что средний калым состоит из лошади, 2 быков, коровы, ружья, 3 кусков алачи, 3 кусков бязи, 3 батманов муки, что равняется 12 пудам, быка на мясо; кроме того, еще отдельно даются подарки для невесты — ситец на нижнюю и тик на верхнюю одежду, 2 платка, 2 пары калош².

По материалам Е. М. Пещеревой, калым, или «килинг», в Каратегине (кишлак Сары-Шухон) состоял из скота — быков, коров, баранов, съестных припасов — пшеницы, риса, масла, а также ваты и определенного количества материи — «коз лата» («девичьи тряпки») или тукуз. Каждый тукуз состоит из $4\frac{1}{2}$ либоса, а либос равен 6 метрам, т. е. количеству материи, необходимой на штаны и рубаху. При определении калыма число тукузов должно было равняться числу голов крупного рогатого скота. Баранов давали немного, от 2 до 4, вероятно только на мясо. Некогда в состав калыма всегда входила лошадь. Определенная часть калыма действительно вносилась, а другая его часть задерживалась, но практически потом никогда не уплачивалась. Из калыма лошадь, крупный рогатый скот и некоторое количество материи получал лично отец. Продукты и мелкий скот тратились на свадебное угощение. Из материи и ваты делались постельные принадлежности, свадебная занавеска и одежда невесты. Кроме того, готовилось «сару-по» — жениху рубаха, штаны, халат, чалма, пояс, тубетейка, чулки и обувь. Некоторое количество материи из калыма шло на подарки родственникам жениха. По одному «сару-по» давалось отцом жениха «марди сари бор», т. е. лицам, принимавшим калым. По материалам, собранным А. З. Розенфельд, в Каратегине когда-то в уплату калыма давали охотничьих птиц.

Довольно обширный материал о величине и составе калыма был собран нами среди кулибских таджиков. Материал этот в основном подтверждает все то, что было сказано выше о составе калыма. Калым здесь точно так же состоял из «коля», т. е. крупного скота. Довольно часто состав коля был следующий: лошадь, 2 быка и 2 коровы; к этому прибавлялось еще два других крупных предмета — обычно ружья, которые как бы заменяли собой коля. Таким образом всего получалось «хафт коля» — семь коля. Восьмую коля — лошадь, быка или корову — получал тогой невесты; это называлось «хаки тогой из хотири оча» — доля тогой из уважения к матери (невесты). Тогой девушки в большинстве случаев был ее уполномоченным, «вакиль», при бракосочетании. В ряде случаев отец девушки одну коля из числа полученных им давал ей впоследствии в качестве приданого. Тогой также, получив коля, делал затем какой-либо подарок своей «хорзо» — племяннице. Другой составной частью калыма

¹ К. А. Абрамов. Записка о каратегинском владении, составленная по распросам. «Изв. РГО», 1870, т. VI, отд. 2, стр. 108—109.

² Г. А. Арандаренко. Дарваз и Каратегин. «Военный сборник», 1883, № 12, стр. 308.

были ткани — тукузы. Каждый тукуз состоял из $4\frac{1}{2}$ либоса, или лата, по 6 метров в каждом; таким образом, тукуз ткани равнялся 27 метрам. В калым среднего размера входило 3—4 тукуза ткани, т. е. примерно 100 метров. Помимо коля и тукузов, в калым входило некоторое количество съестных припасов — пшеница, ячмень, масло, а также несколько баранов на мясо. Все необходимые съестные припасы, таким образом, посылались из дома жениха в дом невесты, и отец последней не должен был тратиться на угощение. Часть полученных в калым тканей шла на одежду невесты, часть — на одежду жениху, и некоторое количество ее раздавали небольшими кусками в качестве подарков на свадьбе.

Остановимся еще в нескольких словах на горных районах северного Таджикистана. Е. М. Пещерева, описывая свадьбу в долине р. Ягноба, не приводит сведений относительно калыма, а лишь сообщает, что невеста, кроме личных мелочей (бус, кукол), никакого имущества в дом мужа не привозит и что даже ее девичье платье остается в доме отца, а наряды ей шьют из калымной материи. В калым входит корова или овца, которую получает мать невесты в качестве хаки шир. Один из старых авторов, С. Д. Масловский, посетивший Ягноб в конце XIX века, указывает, что в Ягнобе калым или вовсе отсутствует или он ничтожен¹.

Относительно таджиков долины Зеравшана мы имеем свидетельство 70-х годов XIX века. А. Гребенкин сообщает, что между отцом жениха и вакилем, уполномоченным невесты, происходит торг по поводу того, что отец жениха дает за невесту. Последний и сам в конце концов мало не предложит, ибо соседи будут над ним смеяться и говорить, что он дешево купил жену сыну. По словам А. Гребенкина, здесь мы имеем дело не с калымом, а якобы с «приданым», которое дается женихом за невесту и которое остается в семье молодожена. К тому, что дает отец жениха, отец невесты прибавляет еще со своей стороны². Наконец, О. А. Сухарева для таджиков кишлака Шахристан сообщает, что там в калым дают всего лишь одну лошадь или корову, причем часто отец новобрачной дарит это животное молодым во время их первого посещения его дома, а все деньги, которые дает будущему тестю жених, расходуются на свадебное угощение и свадебные подарки.

Приведенные материалы дают возможность составить некоторое общее представление о величине и составе калыма в горном Таджикистане. Мы видим, что калым носил главным образом натуральный характер и состоял из скота, тканей и съестных припасов, в связи с чем мы можем подразделить его на следующие части:

1. Коля — крупный скот. Отсюда самый институт калыма у таджиков часто обозначается сложным отыменным глаголом «коля дохтан» (дохтан — усеченная форма глагола андохтан — бросать) — бросать коля. Глагол дохтан, употребляемый в данном случае, не значит просто «бросить», а имеет оттенок «выложить» (выложить перед народом, выставить напоказ, показать товар лицом). В большинстве случаев, повидимому, излюбленным числом для коля было семь или двенадцать. Семь коля могли составляться примерно следующим образом: 1 лошадь, 2 быка, 2 коровы, затем два или одно ружье; в последнем случае следовала еще одна единица крупного скота. При двенадцати коля число указанных животных и предметов соответственно увеличивалось. Сверх всего указанного одну голову крупного скота получал обычно тогой невесты, весьма

¹ С. Д. Масловский. Гальча. «Русский антропологический журнал», 1901, № 2, стр. 27.

² А. Гребенкин. Заметки о Когистане. «Туркестанские ведомости», 1872, № 30 и 31.

часто являвшийся уполномоченным последней. Иногда еще одну голову крупного скота получала мать невесты, старшая сестра или дядя со стороны отца — амак.

2. Тукуз (от тюркского «девять») — ткани, счет которым велся девятками. Один тукуз равнялся, повидимому, $4\frac{1}{2}$ либосам (либос — одежда) как числу, кратному девяти. Хотя мы встречаем указания и на другое число либосов в тукузе, например три, но это, повидимому, уже отступления от общей традиции. В ряде случаев либос назывался также «лата» (кусок); каждый либос в свою очередь равнялся двум тока (единицам). Таким образом, один тукуз составлял 9 тока. Все части одежды, включая и обувь, приравнивались к лата или тока: обувь вместе с головным платком составляла два тока или одну лата, рубаха — два тока или одну лата, штаны — одну тока или пол-лата и т. п. В калым среднего размера входило 4—6 тукузов, т. е., если считать либос равным 6 метрам, а тукуз 27 метрам, всего давалось 100—150 метров ткани. Как мы видели, часть тукузов, обычно лучших, посылалась в дом невесты для шитья праздничных костюмов, в том числе и костюма жениху, который предпосылся ему в подарок родителями новобрачной, другая часть присылалась позже.

3. Бор (ноша, груз) — мелкий скот и продукты, предназначавшиеся для свадебного угощения и посылавшиеся из дома жениха в дом невесты предварительно. В состав бор входила пшеница, мука, масло, рис, бараны или говяжьи туши, а иногда и живой мелкий скот. Размеры бор сильно варьировали, в зависимости от богатства свадебного праздника.

4. Иногда, правда, в очень редких случаях, в состав калыма входила также земля или наличные деньги. Денежная форма получила распространение в первые годы существования советской власти, так как эта форма калыма менее всего заметна для стороннего наблюдателя.

II

Совсем другую картину представляли собой свадебные обычаи равнинных и в особенности городских таджиков. Здесь мы либо вовсе не встречаемся с калымом, либо находим лишь следы этого обычая. Одновременно с тем в этой свадьбе большую роль играло приданое, которое давал отец молодой в обеспечение своей дочери.

Несколько выше мы коснулись вопроса об уплате калыма в горных районах северного Таджикистана, в Ягнобе и на Зеравшане и убедились, что и здесь собственно калым не играл большой роли. В Ягнобе, по имеющимся у нас свидетельствам, размеры калыма были невелики, а в описании зеравшанской свадьбы А. Гребенкин сам затрудняется, как характеризовать ценности, даваемые семьей жениха в обеспечение невесты, и склонен считать это обеспечение приданым со стороны жениха. Отсутствие в обоих этих случаях ясно выраженного калыма свидетельствует о том, что в отношении способов заключения брака эти горные районы находились под влиянием обычаев, бытовавших на равнине и в городах, с которыми тесно связаны указанные горные районы.

Еще более приближалась к городскому типу шахристанская свадьба, где, как мы видели, в калым давалось одно животное, возвращаемое затем отцом новобрачной молодоженам. Весьма характерно, что в шахристанской свадьбе, где калым фактически отсутствует, мы встречаемся с другим институтом, который сопутствует городской свадьбе, — с мусульманским институтом выдачи женихом невесте специального обеспечения «махра».

Согласно нашим материалам, среди таджиков гор. Ура-Тюбе при заключении брака калыма не платили вовсе. Как сообщил нам информатор из Ура-Тюбе, всякий, кто решился бы отдать свою дочь замуж за калым, почитался бы нехорошим человеком и даже преступником. Как показывает описание свадьбы в Ура-Тюбе, бракосочетание сопровождалось обменом между обеими сторонами подарками, главным образом тканями и различными яствами, в том числе сластями. Сторона жениха присылала подарки перед различными церемониями, например перед помолвкой, а также в общие праздники; сторона невесты отдаривала. Перед самой свадьбой присылались из дома жениха съестные припасы — масло, мясо, рис. Приданое для невесты изготовлялось в ее доме на средства отца жениха и отца невесты. Приданое раскладывалось и расставлялось перед присутствующими на свадебном празднестве; один из родственников жениха и один из родственников невесты пересчитывали все приданое. Если приданое велико, все гости хвалят отца и родных новобрачной. При этом родственники молодого давали деньги считавшему приданое родственнику молодой для расходов в доме последней. В богатых семьях в Ура-Тюбе в прежнее время за два дня до свадебного празднества в доме жениха собирали все необходимое для свадьбы, туда же привозили из дома невесты ее приданое, а затем все это вместе торжественно везли на верблюдах, украшенных вышивками сюзана, в дом невесты. Во время самого бракосочетания происходил торг по поводу махра.

Среди таджиков большого кишлака Чуст в Ферганской долине точно так же во время приготовления к свадьбе стороны усиленно обменивались подарками. По обычаю, на тех же подносах и блюдах, на которых присылались подарки от жениха, посылались и подарки со стороны невесты в дом жениха. Это главным образом съестные припасы, лакомства, ткани или готовая одежда. В обмен на присланные из дома жениха материю и наряды для невесты посылались костюмы для жениха и его родителей. Помимо того, из дома жениха присылались различные материалы для изготовления приданого девушки — «бухча». В день свадьбы из дома жениха в дом невесты вновь посылались большие подарки: ткани, деньги (до 4—5 тысяч таньга), пшеница, несколько баранов. Однако и здесь все полученное из дома жениха тратилось на свадьбу и на приданое невесты. Все необходимое для обзаведения молодых приобретали обе стороны.

Аналогичные порядки можно было наблюдать у таджиков гор. Бухары. Здесь также происходил постоянный обмен подарками между обеими сторонами. Правда, бухарская свадьба знала калым, который назначался после сватовства и выражался в денежной форме, обычно в сумме нескольких тысяч таньга. Кроме того, отца жениха обязывали прислать в дом невесты большое количество тканей, обувь, украшения, а также съестные припасы. Если отец жениха не мог приобрести все, что требовалось стороной невесты, то он обычно торговался, и с его доводами соглашались, чтобы он не влез в долги. Однако весь получаемый в денежной форме калым, равно и все остальное, приобретаемое отцом жениха, уходило полностью на свадебные расходы и на обзаведение молодых. Более того, родные девушки старались истратить еще больше, чем сторона жениха, чтобы никто не смог сказать, что невеста и ее родители нищие. Если сторона невесты тратила мало, то над отцом девушки смеялись и говорили, что он продал свою дочь. Как нам говорила информатор-женщина, если сторона жениха давала пять рубашек, то сторона невесты должна была сделать десять.

Изложенные выше материалы вполне согласуются с данными Е. М. Пещеревой, по словам которой в Бухаре существовал обычай давать невесте

большое приданое. Сторона же жениха покрывала главным образом расходы по свадьбе, в этом заключался выплачиваемый калым. Приданое превышало расходы на свадьбу в 3—4 раза. По словам Е. М. Пещеревой, в Ферганской долине, в Андижане и Маргелане мать и отец девушки собирают ей приданое с детства. При этом считается обычным, чтобы сторона невесты расходовала больше стороны жениха.

Остановимся еще на свадьбе у таджиков гор. Каратага, описанной Е. М. Пещеревой. Здесь приданое для дочерей заготавливалось заранее, исподволь. Это приданое или отдавалось вместе с дочерью безвозмездно, или же во время обсуждения свадебных расходов отец невесты заявлял уполномоченным, что он израсходовал на тукуз такую-то сумму и желает получить ее с жениха до свадьбы. Но, как правило, считалось, что выдача дочери замуж ее родителям обходится дорого. Окружающие обычно следили за тем, что посылала сторона жениха лично невесте и для домашнего обзаведения и что давалось ей со стороны ее родителей. Делать дочери небольшое приданое считалось зазорным для родителей. Весьма часто поэтому сторона невесты несла большие расходы, чем сторона жениха, и калым, о котором договаривались сразу же после сговора, являлся лишь фактическим расходом по свадьбе со стороны жениха. Обычай давать махр в каратагской свадьбе отсутствовал, каратагцы не помнят, чтобы когда-либо его брали.

III

То обстоятельство, что в недалеком прошлом только в горном Таджикистане институт калыма существовал в полном объеме и брак заключался путем уплаты за невесту известных ценностей, а у равнинных и городских таджиков калым либо отсутствовал, либо играл небольшую роль, — позволяет нам сделать вывод, что в начале XX в. институт этот отмирает, проявляет тенденцию к полному исчезновению. Положение с калымом в бухарской свадьбе еще более убеждает нас в сказанном.

Что калым среди оседлого населения равнинной части Средней Азии, как таджиков, так и узбеков, практиковался раньше более широко и полно, а уже в конце XIX века имел тенденцию к сокращению, подтверждается такими знатоками быта населения Ферганской долины, как В. и М. Наливкины. В своей монографии 80-х годов прошлого столетия, посвященной женщине оседлого населения Ферганы, Наливкины, говоря о широком бытовании калыма, пишут: «Однако за последнее время замечается, между прочим, что среди бедного населения, особенно городов и больших селений, обычай этот начинает понемногу видоизменяться. Начинают уже по временам встречаться примеры того, как уплата калыма заменяется одними лишь расходами по свадьбе, причем жених сам, сообразуясь со своими средствами, делает приданое невесте»¹.

Уменьшение роли калыма среди таджиков и оседлых узбеков на равнинах и в городах Средней Азии, наряду с большим значением и объемом приданого для невесты, случаи, когда фактически ценность калыма равна или почти равна ценности приданого, привели к установлению такой точки зрения, что институт калыма, как таковой, не является платой, выкупом за девушку, а лишь компенсацией приносимого новобрачной в дом мужа приданого, а также свадебными расходами, которые берет на себя сторона

¹ В. Наливкин и М. Наливкина. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886, стр. 207.

жениха. «Калым в горах, — пишет А. Гребенкин, — не есть выкуп за женщину, а ее приданое со стороны жениха, обеспечение в том, что ей не придется, по крайней мере на первое время, терпеть нищету, нужду во всем. Из этого описания свадьбы видно, что все подарки, которые делает невесте отец жениха или сам жених, идут в приданое невесте или на свадебное угощение»¹. О. А. Сухарева при описании уже известной нам свадьбы в кишлаке Шахристан указывает, что «все деньги, которые даются ему (отцу невесты) женихом, он тратит целиком на свадебное угощение и свадебные подарки»².

В. и М. Наливкины также отмечают указанное положение: «Получив калын, родители невесты обязуются соразмерно количеству последнего снабдить дочь при отправке ее к мужу одеялами и подушками, сделать для обоих молодых обмундировку и, кроме того, устроить свадебное угощение. Таким образом, в большинстве случаев местной практики данного обычая, на калын приходится смотреть лишь как на уплату женихом всех вообще расходов, связанных с совершением брачного союза; здесь он отнюдь не имеет характера покупки невесты, так как родители последней, получив от жениха калын, обязуются произвести на него все необходимые по обычаю расходы. Даже в том случае, когда размеры калына превышают собой размеры предстоящих по свадьбе расходов, большинство туземцев смотрит на этот излишек, поступающий в пользу родителей девушки, не как на плату за последнюю, а как на вознаграждение ее родителей за те расходы и заботы, которые были понесены ими при воспитании дочери. Значение и роль калына изменяются лишь впоследствии, в случае возбуждения вопроса о разводе по инициативе жены...»³.

Мы позволили себе привести столь длинную цитату для того, чтобы показать, что имеются два совершенно различных подхода к калыму, в зависимости от обстоятельств дела, а также чтобы показать, что упомянутая нами выше точка зрения на калым как на эквивалент приданого принимается не только исследователями, но и самим населением. Любопытно, что указанный взгляд на калым, вместе с отрицанием его сущности в качестве платы за девушку, иногда распространяют не только в отношении калыма у городского и равнинного населения Средней Азии, но и по отношению к калыму у горных таджиков, где, как мы видели, институт этот до недавнего времени сохранялся в полном своем объеме. Даже среди горцев можно было слышать суждение о том, что калым, собственно, не плата за невесту, а компенсация за изготовляемое для девушки приданое, и что он постепенно возвращается в дом мужа в виде приданого, различных подарков, хозяйственного обзаведения и т. п.

Следует оговориться, что вопрос о природе института калыма, его генезисе и отношении его к институту приданого, конечно, не нов в этнографической литературе. Несколько дальше мы критически остановимся на некоторых положениях отдельных исследователей, занимавшихся этим вопросом. Сейчас мы намерены вернуться к собранному нами таджикскому материалу и высказать некоторые свои соображения по вопросу о генезисе обоих институтов — института калыма и института приданого, а также о сущности того и другого. Мы постараемся показать, что калым и приданое по существу являются совершенно различными, не зависящими один от другого общественными институтами и имеют каждый свою

¹ А. Гребенкин. Указ. работа.

² О. А. Сухарева. Некоторые вопросы брака и свадебные обряды у таджиков кишлака Шахристан. В «Сб. научного кружка при Востфале САГУ», в. I, Ташкент, 1928, стр. 78.

³ В. и М. Наливкины. Указ. работа, стр. 202, 203.

собственную линию развития; что в условиях таджикского общества до Великой Октябрьской революции калым сокращался в размерах, а приданое увеличивалось; что калым, тесно связанный с патриархальной семьей, является институтом купли-продажи женщины, в то время как институт приданого имеет совершенно другое происхождение. Вполне отдавая себе отчет в том, что соображения, построенные на материале лишь одной народности, могут быть не совсем убедительными для развертывания более общих положений, мы предполагаем далее обосновать их на материалах других народностей.

IV

В первой части настоящей статьи мы, насколько это позволяли имеющиеся материалы, остановились на величине и составе калыма в горном Таджикистане. Мы показали, что здесь величина калыма значительно варьирует в отдельных случаях и доходit иногда до весьма значительного количества даваемого в калым скота и тканей. Однако даже и минимальные размеры калыма выражались в нескольких головах крупного скота и иногда до ста метров материи. Как отмечалось, величина калыма зависела от многих обстоятельств. Во внимание принимались социальное и имущественное положение семьи жениха и семьи невесты, но это обстоятельство не всегда было решающим. Большое значение имели и личные качества невесты, ее характер, работоспособность, здоровье, умение справиться с домашним хозяйством, знание того или другого мастерства, например в Дарвазе — рукоделия, которое обычно передавалось из поколения в поколение, от матери к дочери. Но все же одним из решающих обстоятельств были молодость и красота девушки, а также ее девственность; за вдову или разведенную женщину давали очень незначительный калым.

Обычай выдавать замуж девушек в весьма раннем возрасте, когда еще не могли определиться такие ее личные качества, как характер и работоспособность, приводил к тому, что молодость и красота играли часто доминирующую роль. Особенно наглядно это можно было проследить на случаях женитьбы представителей зажиточной части населения и местной знати, стремившихся заполучить своим сыновьям красивую невесту, не считаясь с ее социальным и имущественным положением. Нам известны многие случаи, когда зажиточные люди женили своего сына на дочери бедняка, уплачивая при этом большой калым, в то время как родители девушки не могли дать своей дочери не только какого-либо имущества, но и какой-либо одежды. В данном случае в уплате большого калыма был заинтересован не только отец девушки, имевший от этого материальную выгоду, но и отец юноши, боявшийся осуждения в скупости и желавший показать, как дорого он дал за жену для своего сына. Отметим также, что иногда пожилые представители зажиточных слоев населения брали себе в жены молодых и красивых девушек из бедной семьи, уплачивая за них большой калым. Приводя вышеизложенное, мы отнюдь не хотим утверждать, что зажиточность и социальное положение родителей невесты не влияли на величину выплачиваемого за нее калыма; но примеры, когда красивая и молодая, но бедная невеста ценилась весьма высоко и за нее давали большой калым, говорят за то, что калым не был пропорционален даваемому за девушку приданому, которое, как увидим дальше, в горах было вообще весьма не велико.

Следуя теории эквивалента калыма и приданого, можно было бы предположить, что горец бедняк или середняк, выбрав себе невесту соответ-

ствующего социального или имущественного положения, без труда мог уплатить калым, который должен вообще быть небольшим, принимая во внимание то обстоятельство, что и за девушкой не могло быть дано слишком много. Однако в действительности дело обстоит совсем не так. В огромном числе случаев бедняк не имел средств уплатить и сравнительно небольшой калым, выражавшийся в двух-трех головах крупного скота, нескольких десятках метров ткани и некотором количестве съестных припасов. В таких случаях таджик, чтобы получить возможность жениться, вынужден был или отправиться на заработки на равнину, где горцы обычно поступали на хлопкоочистительные заводы, или наниматься к купцам и баям, либо жениться на пожилой женщине, вдове или разведенной.

А. П. Хорошхин, которому пришлось, очевидно, в 70-х годах XIX века встречаться с такими выходцами из горных районов, сообщает следующее: «Задумав жениться, горец-таджик отправляется предварительно нищенствовать в долины. Не побывавший с этой целью в городах встречает разные серьезные препятствия со стороны родителей той, которую избрало его сердце. Родители предполагают в нем человека, не годного к труду, человека без средств, и вот он берет нищенскую суму и идет в ближайшие пункты более культивированной жизни. Таджики Кара-Тегина (владеньице в верховьях р. Зеравшана, приблизительно на одном меридиане с г. Кокандом) заходят искать счастья даже в Ташкент»¹. Конечно, не желание родителей девушки испытать своего будущего зятя заставляло молодого человека уходить на заработки, а невозможность иным путем уплатить калым за жену.

Повседневным явлением в горном Таджикистане была также женитьба бедняков на пожилых и некрасивых женщинах, часто на женщинах, имеющих тот или другой физический недостаток. В качестве иллюстрации этого положения приведу пример, записанный в 1932 г. А. З. Розенфельд в кишлаке Арганкун, в бассейне р. Хингоу. Некая Амро Пулод еще совсем ребенком была выдана замуж своим братом, поскольку ее родителей не было в живых. Муж вскоре умер, оставив ее с сыном, но так как затем умер и сын, то ей в наследство ничего не досталось, все забрали родственники мужа, а сама она перешла жить в семью старшего брата. Через год Амро снова вышла замуж, но, прожив с мужем четыре года, ушла от него снова к брату. Муж не хотел дать развода до тех пор, пока ему не возвратят калым. Так как калым был уже истрачен, то казий, к которому обратился муж, присудил возвратить деньгами 1200 таньга. Однако денег взять было неоткуда. Год спустя Амро вышла замуж за байского пастуха, пригнавшего баранов из Куляба, который заплатил за нее требуемую сумму ее прежнему мужу. Через два месяца после свадьбы пастух умер, и Амро снова овдовела. Три года жила она в доме брата, а потом вышла замуж за двадцатилетнего юношу-бедняка, хотя ей уже было 30 лет. По бедности ее новый муж не мог жениться на девушке. Этот пример довольно ярко характеризует не только указанное нами положение, но также и самый калым как куплю-продажу женщины. Приведем еще один пример. Назар Бади из кишлака Сангвор, в том же бассейне р. Хингоу, имевший в 1932 г. 30 лет отроду, был женат на женщине 45 лет. Женился он двадцатилетним юношей, еще до установления в крае советской власти; ко времени женитьбы он был круглым сиротой и по бедности не мог

¹ А. П. Хорошхин. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876, стр. 503—504.

собрать калым для уплаты за молодую жену. За эту жену он отдал ее отцу одну корову.

В случае невозможности уплатить калым существовала другая форма уплаты — отработка жены. Брак путем отработки был распространен сравнительно широко, и для него существовал даже специальный термин «хона домод» (зять при доме). Если юноша, желавший жениться, не имел возможности уплатить калым, а его будущему тестю нужны были рабочие руки, то между ними заключалось условие, в силу которого первый шел работать ко второму бесплатно на ряд лет, после чего он в вознаграждение за свой труд получал жену. Обычай хона домод встречался повсеместно в Таджикистане — в Дарвазе, Вахио, Каратегине, Кулябе и других местах. В хона домод шли бедняки или сироты. Как нам довелось слышать на Язгулеме, хона домод мог быть только юноша «бикаун», т. е. без рода, так как в противном случае за него внесли бы калым родственники, для которых было бы зазорно допустить юношу стать хона домод. Срок отработки жены определялся обычно в 3—4 года, иногда в 7 лет. Среди кулябских таджиков нам пришлось слышать, что, согласно обычаю, будущий тесть должен был принять на себя и все расходы по свадьбе своей дочери с работающим у него юношей. Согласно материалам А. З. Розенфельд, в бассейне р. Хингоу существовал обычай при принятии в дом хона домода устраивать предварительно сговор между молодыми людьми, после чего юноша переходил на жительство в дом будущего тестя и работал там положенное число лет.

Естественно, что иногда в таких случаях между молодыми людьми еще до окончания срока отработки возникала близость, на которую родители девушки смотрели снисходительно. Здесь можно видеть аналогию с «кынголь-бози» — добрачными отношениями молодых людей, между помолвкой и свадьбой, при браке путем уплаты калыма, практиковавшимися ранее в горном Таджикистане. Так как кынголь-бози практиковали обычно до уплаты калыма, то можно сделать вывод, что общественное мнение должно было рассматривать отработку жены тоже как своеобразную уплату калыма. Об этом говорит также и факт, отмеченный А. З. Розенфельд: в случае развода между женой и мужем, получившим жену путем отработки, женщина не могла вторично выйти замуж до тех пор, пока новый претендент не выплачивал ее прежнему мужу стоимость его труда в качестве хона домод, определенную казимем.

Само собою разумеется, что не всякий бедный или безродный юноша мог стать хона домод. Чтобы юноша был принят в дом и затем за него выдана дочь хозяина, естественно нужны были особые обстоятельства. А. З. Розенфельд, специально интересовавшаяся этим институтом, отмечает, что в старое время хона домод принимались главным образом бедняцкими и середняцкими хозяйствами, нуждавшимися, в силу тех или других обстоятельств, в рабочих руках; естественно, что зажиточные и многочисленные семьи на нуждались в хона домод и не склонны были таким путем выдавать замуж своих девушек.

Уплата калыма для приобретения жены представляла собой весьма серьезную проблему не только для нищих, но и для людей среднего достатка. И здесь калым ложился тяжелым бременем на семью юноши, на все хозяйство в целом. Известно, например, что в Вахио-боло в первые годы после Великой Октябрьской революции средняя обеспеченность мало-мощного хозяйства скотом составляла: лошадей 0,6, ослов 0,6, быков 1,7, коров 1,9, баранов и коз 30,4, а средняя обеспеченность середняцкого хозяйства составляла: 1 лошадь, 1—2 осла, 2 коровы, 2 быка и голов 30—35 баранов и коз. При таком поголовье скота, даже для середняка, отдать

в калым семь коля значило отдать столько же, сколько имело все хозяйство в целом. Скот для калыма можно было приобрести на месте, но другие предметы, входившие в калым, главным образом ткани, при господствовавшем в крае натуральном хозяйстве приходилось приобретать на равнине — в Фергане, Самарканде или Ташкенте, куда специально отправлялись и что было сопряжено с дополнительными расходами.

Мы показали, таким образом, что калым в горном Таджикистане представлял для жениха и его семьи весьма серьезную проблему и ложился тяжелым бременем на хозяйство. Немудрено поэтому, что сплошь да рядом приготовление и уплата калыма тянулись долгое время, иногда даже годы.

Обратимся к приданому, носившему в горном Таджикистане название «моли мирос», «мирос», «мирот», «мироти», что в переводе означает наследство. Повсеместно распространен был обычай, согласно которому приданое передавалось новобрачной некоторое время спустя после свадьбы, во время первого традиционного посещения новобрачной дома своего отца. Приданое это было не велико и состояло обычно из нескольких баранов и коз, в лучшем случае в приданое, кроме баранов и коз, отец давал корову. Естественно, что в ряде случаев на величину приданого, получаемого новобрачной от своего отца, влияла и щедрость отца новобрачного, не поскупившегося дать в калым лишнее животное. В таком случае и отец новобрачной оказывался щедрее. Но и это было не обязательно, и величина приданого зависела от усмотрения и доброй воли отца новобрачной. Во всяком случае величина приданого не могла идти ни в какое сравнение с величиной уплачиваемого за девушку калыма.

Помимо моли мирос в виде мелкого скота родители снабжали свою дочь различными предметами домашнего обихода — посудой, утварью. Стоявшие более дорого ткани, одежда и постельные принадлежности готовились для новобрачной, вернее для обоих молодоженов, в доме девушки, но из материалов, присланных семьей жениха и входивших в состав калыма. Отец девушки, конечно, мог кое-что прибавить и от себя, что фактически часто и имело место, но никакого обязательства в этом случае на него не существовало. Напротив, иногда отец девушки расходовал не всю ткань, присланную по договору о калыме, на приготовление одежды и постельных принадлежностей для новобрачных, а известную часть оставлял себе. Выше нам пришлось уже указывать на весьма любопытный обычай, практиковавшийся в кишлаке Сафедорон: если отцу девушки нравилась присланная ему в калым лошадь, то он брал на себя приобретение войлоков и одеял для новобрачных, в противном же случае отсылал лошадь обратно и возлагал приобретение указанных вещей на отца юноши. Этот пример как нельзя лучше показывает тот произвол, который мог себе позволить отец, собственник выдаваемой замуж девушки, по отношению к плательщику калыма — отцу жениха.

Остановимся еще в нескольких словах на расходах по свадьбе. Практически расходы по свадьбе в горном Таджикистане состояли из двух статей: всевозможных продуктов, затрачиваемых на угощение многочисленных гостей, и различных мелких подарков, дававшихся взаимно одной стороной представителям другой стороны, а также некоторым категориям гостей. Естественно, что в отношении расходов по свадьбе, также как и в отношении приданого, можно было наблюдать большое разнообразие, и в ряде случаев отец невесты, в особенности, если он обладал достатком и был доволен выбором зятя, брал на себя известную часть расходов на угощение, а также на приготовление подарков. Однако обычное право и здесь предполагало, что расходы на угощение падают на семью жениха, для чего оговаривалась заранее особая часть в калыме, носившая,

как мы видели выше, название «бор» и состоявшая из бараньих туш и других продуктов, посылавшихся за некоторое время до свадьбы в дом новобрачной. Наглядное изображение такого порядка можно усмотреть в обычае, записанном нами в кишлаке Зидди, в долине р. Варзоба. Уплатив калым, отец жениха посылает к отцу невесты с извещением о дне, выбранном для свадьбы. Вестник является к отцу девушки и обращается к нему со следующими словами: «био бирим амбар та бегир аз джои куда» (пойдем, заберем свой амбар от свата). Отец девушки отправляется к отцу жениха и получает от него мешок пшеницы; при этом отец жениха надевает ему на плечи в качестве подарка новый халат. В Дарвазе нам говорили, что отец жениха доставляет весь калым, включая ткани и съестные припасы, в дом невесты, после чего он «дигар кор на дорад» (больше не имеет никакого касательства), готовиться к празднику должна сторона невесты.

Что касается подарков, выражающихся обычно в кусках материи, платках, тубетейках и пр., то в основном они заготавливаются из части калыма, носящей название «тукуз».

V

Все вышеприведенные материалы позволяют нам сделать следующий вывод. Еще в очень недалеком прошлом в горном Таджикистане мы встречаем господство калыма в его развитой форме наряду со сравнительно слабым развитием приданого. Вследствие этого главная тяжесть экономических затрат при браке ложилась на семью жениха. Семья невесты не несла по существу никаких расходов, за исключением незначительных трат на обзаведение молодых и выделение девушке небольшого приданого; наоборот, семья невесты имела значительные материальные выгоды от выдачи девушки замуж, получая за нее сравнительно большие материальные ценности. Таким образом, брак у горных таджиков по существу являлся куплей-продажей девушки. Иное положение наблюдалось среди таджиков равнины, особенно городов и больших селений. Институт калыма здесь уже вырождается и был близок к полному исчезновению. Напротив, значительное развитие получил институт приданого, которым отец снабжал девушку при выходе ее замуж. Затраты при браке несли обе стороны, причем обычное право уже признавало желательным, чтобы большую часть расходов принимала на себя семья невесты. Таким образом, брак у таджиков равнины и городов в недалеком прошлом уже не являлся куплей-продажей девушки, а был основан на других началах.

Поэтому нам представляется ошибкой утверждение, что калым есть лишь компенсация приданого, его эквивалент, что в калыме и приданом мы имеем дело с двумя сторонами одного и того же явления. На самом деле калым и приданое представляют собой особые самостоятельные институты, повидимому, возникающие на различных стадиях общественного развития, причем институт калыма возникает раньше, а институт приданого позже, и в то время, когда институт калыма уже отмирает, превращается в простую фикцию, институт приданого, напротив, развивается. Поэтому ничего нет удивительного в том, что на определенной какой-то стадии калым и приданое в количественном выражении как бы уравниваются, что и приводит ошибочно некоторых исследователей к отождествлению обоих институтов.

То положение, что калым и приданое не имеют между собой ничего общего, подтверждается также и судьбой того и другого после заключения брака. Рассмотрим хотя бы в кратких чертах этот вопрос. У таджиков

калым выплачивался обычно отцом юноши или же теми его родственниками, на попечении которых он находился, и поступал в пользу отца девушки или же того родственника-мужчины, который распоряжался ее судьбой, как плата за отдачу девушки. То обстоятельство, что иногда некоторые ценности из полученного отцом или опекуном калыма обращались в приданое, не имеет никакого значения. Лицо, получившее калым, распоряжалось им совершенно бесконтрольно, как своей собственностью, и если оно и отдавало что-либо девушке, то делало это по своему усмотрению, точно так же, как оно могло ей выделить любую другую часть своего имущества. Нам пришлось слышать в Дарвазе от нескольких лиц, что калым иногда постепенно возвращался в дом новобрачных, так как его владелец, если любил дочь и зятя, тратился на подарки им, на внуков и т. п. Но это делалось не всегда, главным образом людьми солидными и уважаемыми — «одами ба риш». Во всяком случае, обычное право считает, что калым поступает в полное распоряжение отца или опекуна девушки.

Повлиять на изменение судьбы калыма могло лишь нарушение заключенной сделки не по вине стороны, давшей калым. Таким нарушением считалось требование развода по инициативе жены или ее отца или же самовольный уход от мужа. Среди таджиков в прошлом было широко распространено бегство молодых женщин в дом отца, в виде протеста против дурного обращения мужа; часто ни угрозы, ни уговоры не могли побудить ее вернуться обратно; молодая женщина заявляла, что она бросится в воду, а к мужу не пойдет. В таких случаях отец часто сдавался и вынужден был возвратить полученный им калым. Калым возвращали даже в том случае, если между заключением брака и уходом жены прошло много лет. Если же инициатором развода являлся муж и прогонял жену, то он не имел права требовать обратно калым. Более того, как нам пришлось слышать в Вандже, если за мужем оставалась невыплаченной какая-либо часть калыма, то его заставляли выплатить и эту часть. Отметим еще, что в случае смерти жены, хотя бы вскоре после свадьбы, калым не подлежал возвращению и оставался у тестя.

Обратимся к судьбе приданого. Если бы приданое являлось эквивалентом калыма, то оно, естественно, должно было поступать в распоряжение мужа. В действительности же дело обстояло далеко не так. У таджиков, в частности у горных таджиков, приданое, «моли мирос», поступало в полную собственность молодой женщины и муж не имел на него никакого права. В совместной жизни супругов, конечно, часто случалось, что необходимо было потратить что-либо из приданого жены; в таком случае муж должен был добиться ее согласия. Конечно, на практике бывали случаи, что муж, в силу фактически складывавшихся в отдельной семье отношений, часто пытался узурпировать права жены и стремился распоряжаться ее приданым. Но такое положение противоречило обычному праву и осуждалось окружающими. При разводе жена уносила приданое с собой, а в случае ее смерти оно переходило к ее детям. При отсутствии детей приданое обычно возвращалось к родителям или родственникам женщины, но в таком случае муж также мог предъявить права на известную его часть.

В одной из наших прежних работ мы указали на любопытную борьбу коллективного и индивидуального начал в вопросе о приданом, «моли мирос», в патриархальной семейной общине в долине р. Ванджа. Там мы отметили, что приведенный женщинами в дом в качестве приданого скот считался их личным имуществом и числился за ними, право же распоряжения продуктами от этого скота принадлежало жене старейшины общины. В отношении распоряжения самим скотом существовало различное

положение. В одних случаях этим скотом распорядилась сама хозяйка, в других случаях глава общины с согласия хозяйки, а иногда глава общины даже без согласия хозяйки. В происходивших вокруг этого дела спорах и ссорах женщина-чужеродка выступала как представительница частнособственных интересов против коллективного начала, представляемого главой патриархальной семьи.

В целях наиболее полной и всесторонней характеристики калыма остановимся на двух моментах, связанных с наличием в недалеком прошлом пережитков родовых традиций и существованием больших патриархальных общин и сильно развитых патриархальных отношений среди горных таджиков. Прежде всего укажем на существовавший порядок, в силу которого калым мог получать только мужчина; в случае смерти отца ни мать, ни старшая сестра невесты, ни какая-либо другая родственница не имели права на получение калыма. В таких случаях калым поступал ближайшему родственнику — мужчине, бывшему опекуном девушки. Если же не было вообще никаких мужских родственников, то калым все равно матери не поступал; последней делали какие-либо подарки, и в случае ее согласия она переходила на жительство в дом зятя.

Другим любопытным фактом являлась родственная помощь, оказываемая тому или другому сородичу в деле сбора калыма. Во время приготовления калыма отец жениха обходил своих родственников, представителей своего рода — «кау», и просил помощи. Каждый помогал чем мог. Обычай этот носит название «осоль». Таким образом, приготовление и уплата калыма становились делом всей родовой группы, хотя, конечно, наиболее существенные расходы нес отец жениха. В соответствии с только что сказанным, как нам представляется, находился и обычай — при передаче калыма отцу девушки делать подарки и другим родственникам девушки, главным образом дяде со стороны матери и некоторым другим близким родственникам и родственницам. Здесь точно так же можно видеть как бы следы такого порядка, при котором калым поступал не только отцу, а всей ближайшей группе родственников.

Порядок этот особенно наглядно проявлялся при уплате или получении калыма в больших патриархальных семейных общинах, сохранявшихся еще до недавнего времени, в некоторых горных районах Таджикистана. В патриархальных общинах женитьба или выдача замуж одного из ее членов являлись общим делом всей общины и в первую очередь не отца юноши или девушки, а старейшины общины, так называемого «калонтари хона». Так же обстояло дело и с уплатой или получением калыма. При наличии общего нераздельного имущества в патриархальной общине, которым распорядился старейшина, последний распорядился также и уплатой из этого общего имущества калыма за жену для того или другого члена общины, устанавливал очередность женитьбы. Естественно, что и калым, получаемый патриархальной общиной за ту или другую девушку, поступал в распоряжение старейшины. О том, что так было на самом деле, а не только в теории, говорят собранные нами материалы о патриархальных общинах в долинах Ванджа и Язгулема¹. Сплошь и рядом власть старейшины в них была настолько сильна, что отец юноши или девушки не только не мог дать или получить калым за сына или дочь без согласия старейшины, но не мог без согласия последнего, по образному выражению одного нашего осведомителя, «купить или продать иголку».

Все сказанное приводит нас к убеждению, что эволюция института

¹ Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло, Л., 1936, стр. 71, 72.

калыма в связи с разложением патриархально-родовых отношений шла в направлении постепенного сужения круга лиц, имевших право на калым или обязанных платить его, от сравнительно широкой группы агнатных родственников к одному лицу — отцу жениха или невесты.

VI

Мы должны еще хотя бы вкратце остановиться на институте, носящем название «махр», поскольку мы с ним сталкиваемся в таджикской свадьбе.

Махр, в отличие от калыма, признаваемого только обычным правом, является мусульманским шариатным установлением. Махр, существовавший еще в доисламскую эпоху, являлся, повидимому, одной из форм калыма, так как передавался при заключении брака опекуну невесты. После Мухаммеда махр изменил свою сущность и превратился в денежное или имущественное обеспечение, выдаваемое женихом невесте, являясь и в настоящее время необходимым условием мусульманского брака, на случай развода по инициативе мужа или его смерти.

При описании шахристанской свадьбы О. А. Сухарева следующим образом характеризует махр. Махр в Шахристане выражается в золотых и равняется 90 золотым (около 360 руб.), каковая сумма и оговаривается в брачном договоре, хотя она зачастую не соответствует действительной стоимости махра. Махр делится на две части — «наличный махр» и «махр отложенный». Первую часть составляют фактические расходы жениха на свадьбу и на домашнее обзаведение; вторая же часть, которой собственно по шариату должна являться какая-либо недвижимость, принадлежащая молодому и переходящая в случае его смерти или развода по его инициативе к жене, превратилась в чистейшую фикцию. Лишь полученное по первой части махра обзаведение становится фактической собственностью жены и переходит затем к ее детям в случае ее смерти; в случае развода по инициативе мужа она уносит ее с собою. Согласно нашим записям в Ура-Тюбе, величина махра устанавливается путем торга; вся сумма махра также делится на две части, причем одной из них считаются свадебные расходы, понесенные женихом, а другая остается в качестве долга за новобрачным, который он обязан выплатить своей жене в случае развода с ней.

Мы склонны предполагать, что, поскольку уплата махра практиковалась главным образом в городах Средней Азии, среди оседлого мусульманского населения — таджиков и узбеков, институт этот как мусульманское шариатное установление приходит на смену отмирающему здесь калыму, вероятно, точно так же, как у древних арабов махр, появившийся при Мухаммеде, заменил калым, существовавший в доисламскую эпоху. Напротив, среди горных таджиков, где институт калыма был еще в полном расцвете, обычая давать махр не существовало. Но шариатные нормы, проникавшие и сюда вместе с мусульманством, естественно, оказывали влияние на правосознание населения. Поэтому, как нам самим не раз приходилось отмечать, горные таджики часто путают калым с махром и дают ему название «махр», или «мар». На наши неоднократные вопросы о том, что такое махр, нам нередко приходилось слышать, что махром называется рассрочка уплаты калыма: «отдать невесту в махр — отдать в долг», что согласуется с самой сущностью махра, половина которого, по шариату, является долговым обязательством новобрачного. В случае, если за новобрачным оставались долги по уплате калыма, то говорили: «дар гарданаш махр монд» (на его шее остался махр).

Наконец, среди кулябских таджиков был отмечен любопытный обычай «бахшидани махр» (прощение махра). Вскоре после свадьбы в доме

повобрачной собирались родные мужа, устраивалось угощение, после которого присутствующие обращались к молодой со словами: «махр та бебахш» (прости твой махр), на что молодая женщина обычно соглашалась. Довольно трудно объяснить этот обычай. Однако нам думается, что таким путем народное сознание стремилось отдать дань шариатным, а следовательно, и исламским нормам, которые фактически, при наличии калыма, еще не имели здесь практического применения.

УП

Нам представляется необходимым остановиться здесь, хотя бы кратко, на вопросе о калыме и приданом у некоторых других народов Средней Азии с целью осветить вопрос этот возможно шире.

Прежде всего обратим внимание на узбеков, в основном на оседлых узбеков, по образу жизни и своим общественным порядкам весьма близких к равнинным таджикам и таджикам городов. К сожалению, сведения по интересующему нас вопросу относительно узбеков весьма скудны, отрывочны и случайны.

Еще в 1868 г. А. Вамбери, характеризуя узбеков Хивинского оазиса, сообщал о переговорах по поводу калыма, который жених хотел или мог дать за невесту. Исчисление велось девятками, в сельских местностях скотом, в городах деньгами; наибольший калым составлял девять девяток. Помимо калыма, уславливались также о «егнябаше» — подарке, который жених делал невесте и который состоял из различных женских украшений¹.

А. Гребенкин² в статье, посвященной в основном узбекам долины Зеравшана, довольно подробно останавливается на вопросе о калыме. Этот исследователь характеризует калым как выкуп или приданое, вносимое женихом за будущие услуги жены. Однако, пишет Гребенкин, калым не всегда составляет необходимое условие при заключении узбеками брака. Бедняки или хорошие друзья при женитьбе своих детей калым обычно не вносят, особенно когда, как это практикуется в ряде узбекских родов, просватывают своих детей с колыбели, хотя, как прибавляет автор, такие браки не являются обязательными для просватанного с колыбели жениха. Встречаются также случаи отработки женихом своей будущей жены, хотя фактически часто случается, что жених отработывает за свою жену уже после женитьбы. Что калым здесь зачастую является фикцией, свидетельствуют слова автора о том, что вообще узбек считается женихом до того времени, пока он не выполнит калыма или же пока родные девушки не заявят, что они считают калым уплаченным, хотя в действительности этого и нет. Далее А. Гребенкин прямо указывает, что калым в Зеравшанском округе уже и для того времени потерял свое значение и превратился просто в подарок, который сторона жениха делала стороне невесты, или же являлся трапой на угощение, которое приготавливали родственники невесты родственникам жениха и всем знакомым, собиравшимся на свадьбу. Поэтому случалось, сообщает автор, что родители невесты не получали от жениха ни копейки денег и ни одного барана. Калым в основном, в виде денег или некоторого количества скота, платили богатые. Люди же среднего сословия и бедняки ограничивались подарками и расходами на свадебное угощение, причем стоимость того и другого тщательно учитывалась и как бы составляла собой калым³.

¹ А. Вамбери. Очерки Средней Азии. М., 1868, стр. 95—101.

² А. Д. Гребенкин. Узбеки. В сб. «Русский Туркестан». М., 1872, стр. 62 сл.

³ А. Д. Гребенкин. Указ. работа, стр. 65.

Автор ряда бытовых очерков Туркестана первых лет после присоединения Средней Азии к России А. П. Хорошхин¹ также отмечает, что среди оседлых узбеков равнин и городов калым определялся стариками в виде десятков материи, принадлежностей одежды, украшений, тех или других продуктов, иногда денег, но шел в пользу невесты, т. е., очевидно, на расходы по ее приданому, а также на покрытие свадебных расходов. Таким образом, и свидетельство А. П. Хорошхина указывает, повидимому, на отмирание калыма среди узбеков уже в 60—70-х годах XIX столетия.

Упомянув о калыме среди узбеков Ташкента тех же 70-х годов, П. Маев указывает, что в калым, уплачиваемый женихом за невесту, кроме денег входят также и различные принадлежности туалета, необходимые невесте, как, например, халаты, бешметы, платки, украшения, а кроме того, различные продукты, необходимые для угощения на свадьбе. Тут же автор делает примечание, что калым следует толковать по шариату, т. е. в качестве обеспечения, вносимого женихом, которое обращается в пользу и собственность жены. Одновременно автор упоминает и о приданом, даваемом девушке, указывая, что о величине его предварительно не уговариваются и что жених узнает о нем уже после брака².

Свидетельства В. и М. Наливкиных, относящиеся к узбекам Ферганской долины 70—80-х годов XIX века, мы уже приводили. Эти свидетельства также показывают, что во второй половине XIX века среди узбеков равнины и городов обычай калыма постепенно стал исчезать и на калым стали смотреть в известной степени как на затрату женихом некоторых сумм, которые предначались на расходы по снабжению невесты приданным. «Родители невесты прибавляют от себя к полученной от жениха сумме приблизительно столько же; на эти совокупные средства делается приданое и справляется свадьба. Деньгами калым уплачивается обыкновенно только в городах. В кышлаках большая часть его вносится скотом и хлебом»³.

К сожалению, более поздние высказывания о калыме у узбеков весьма скудны. В заметке о свадебных обычаях у узбеков⁴ говорится лишь о том, что предварительно между родителями брачующихся устраивается торг о калыме, по окончании которого выплачивается половина калыма, а за несколько дней до свидания отправляют в дом девушки скот, продукты, дрова и одеяла для гостей. В статье об узбекском тое⁵ указывается, что перед свадьбой из дома жениха в присутствии гостей, соседей и т. п. выносятся громадные узлы и сундуки с калымом, которые перевозит караван верблюдов. Наконец, М. Гаврилов⁶, описывая узбекскую свадьбу, упоминает о посылке подарков женихом невесте, а также о назначении отцом девушки калыма, состоявшего из баранов, лошадей, одежды, продуктов, а также 500 руб. деньгами — «шир бахо». Однако автор не дает никаких комментариев к своему перечислению требуемого тестем калыма, так что остается неясным, что именно давалось фактически и какие расходы несла сторона невесты.

¹ А. П. Хорошхин. Указ. работа, стр. 190—193.

² П. Маев. Азиатский Ташкент. В сб. «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. IV. СПб., 1876, стр. 310—311.

³ В. Наливкин и М. Наливкина. Указ. работа, стр. 202.

⁴ Н. П. Свадебные и похоронные обряды у сартов. «Киргизская степная газета», 1899, № 47, 48.

⁵ П. М. Туш. «Туркестанские ведомости», 1905, № 183.

⁶ М. Гаврилов Сартовская свадьба. «Туркестанские ведомости», 1911, № 150, 152.

Нам представляется, что приведенный материал, касающийся в основном оседлых узбеков, показывает, что существовавшее здесь положение в отношении калыма и до некоторой степени и приданого, — хотя сведения о последнем еще более скудны, чем сведения о калыме, — примерно такое же, как и среди таджиков среднеазиатских равнин, а также таджиков городских. Наличие одинаковых социально-экономических условий у обоих народов, живущих бок о бок, а также господство моногамной малой семьи создали и одинаковое положение в отношении калыма и приданого. У обоих народов калым утратил свое былое значение, в то время как роль приданого повысилась.

Обратимся теперь к другому среднеазиатскому народу, еще в недалеком прошлом ведшему кочевой образ жизни и сохранявшему в основном натуральное хозяйство, со значительным еще господством патриархальных отношений, — к казахам.

По вопросу о калыме и приданом у казахов существует довольно большой материал, относящийся в основном к концу прошлого столетия. Еще в 70-х годах Загряжский в статье, посвященной юридическим обычаям казахов (по старой русской терминологии «киргиз») указывал, что вступающий в брак обязан до брака выплатить родственникам невесты калым, который идет в пользу отца или родственников невесты; в случае смерти невесты или жениха и если их нельзя заменить родственниками или родственницами, калым возвращается; точно так же калым может быть затребован обратно в случае, если невеста окажется не девушкой. Родственники невесты со своей стороны должны дать ей приличное приданое — юрту, домашнюю утварь и постель; приданое должно быть равно части калыма, называемой «тойман», приносимой женихом в день свадьбы¹.

Самые размеры калыма у казахов были весьма велики. И. Козлов сообщал, что калым платили из 9, 17, 27, 37, 47 голов разного скота, смотря по состоянию жениха. Калым подразделялся на несколько частей: «бас-жаксы» — главная, самая ценная часть, «кара-мал» — собственно калым, «илию» — плата за первое посещение невесты, «туй-мал» — все потребное для свадебного праздника; «сют-акы» — плата теще за молоко, «каде» — многочисленные подарки родственникам невесты; величина туй-мала соразмерялась с приданным невесты. Приданое состояло из кибитки, верблюда, лошади, мелкого скота, головного убора «саукеле», постели, сундуков, одежды².

Согласно сообщению П. Е. Маковецкого, величина калыма у казахов была различной и делилась в прежнее время на три разряда: «домалак кырк джеты» — из 47 трехлетних кобыл, «отуз джеты» — из 37 и «джигирма джеты» — из 27 кобыл. По мере роста экономической дифференциации среди казахов замечалось понижение минимального и возрастание максимального размера калыма. Высший разряд калыма иногда доходил до 100 верблюдов (1 верблюд приравнивался 5 лошадям), низший разряд спускался до 17, а иногда даже и до двух лошадей. Калым поступал в полное распоряжение отца невесты, сливался с остальным его имуществом и после смерти отца переходил к наследникам. Однако, прибавляет автор, при патриархальных отношениях и ранних браках браки заключались лишь с согласия родителей или же заступавших место родителей старших в роде, которые и получали калым. Нарушение договора стороной жениха до первого тайного посещения им невесты, носившего у казахов название

¹ Г. Загряжский. Юридический обычай киргиз. В сб. «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. IV СПб., 1876, стр. 155—158.

² И. Козлов. Обычное право киргизов. «Памятная книжка Западной Сибири». Омск, 1882.

«уруп-келю», влекло за собой штраф и отдачу подарков, а после этого посещения — потерю калыма; нарушение договора стороной девушки — отдачу калыма и штраф¹. В свою очередь отец невесты был обязан дать за дочерью приданое — «джасау». Размеры приданого не определялись обычаем и не обуславливались никакими договорами, а целиком зависели от желания отца. Обычно люди бедные и среднего достатка давали небольшое, по сравнению с калымом, приданое, только очень богатые давали за своими дочерьми богатое приданое, иногда по своей стоимости равное калыму. Приданое состояло преимущественно из вещей: одежды, белья, ковров, домашней утвари, юрты и т. п.²

О таких же примерно размерах калыма у казахов Перовского и Казалинского уездов говорит Х. Кустанаев. Богатые платили 47 голов крупного скота, середняки 27—37 голов, беднота 7—9 голов. Если калым уплачен, но жених умер, девушку берет брат умершего; если же она выходит на сторону, то муж обязан выплатить калым семейству первого жениха³.

В. Д. Тронов⁴ сообщает, что у казахов калым, состоявший из скота, уплачивался по частям в два раза. Большая часть называлась бас-жаксы, в нее входили лучшие кони. Размер калыма у богатых составлял 100—150 кобыл (все приравнивается к кобылам), у середняков 50—57, у бедняков 15—27. Калым не платили лишь в случае отработки невесты женихом или же в случае обмена девушками. Если невеста отказывалась от жениха, то калым возвращали; однако, если уже имели место тайные свидания молодых, то часть калыма задерживалась. В случае смерти жениха девушку выдавали за его брата или за другого родственника; в случае смерти девушки жених требовал ее сестру или другую родственницу невесты. Приданое бывало различно, у богатых иногда даже больше калыма, у бедных часто меньше; в него входили кибитки, ковры, постели, саукеле, одежда.

Для казахов Семиреченской области Н. Изразцов указывал, что раньше в калым давали рабов, а в настоящее время (1897 г.) только скот. Богатые султаны платили 100 кобыл, у бедных казахов существовало два размера калыма: 47 и 37 кобыл, однако на практике калым платили по обоюдному соглашению. По словам этого исследователя, неполный калым в 37 кобыл платили в те времена, когда был широко распространен обычай сорората; неполный калым платили за сестру умершей жены. Что касается приданого, то его размеры зависели исключительно от воли отца невесты, и если разница между калымом и приданным была очень велика, то зять рассказывал всем о таком поступке тестя, а иногда и жаловался биям, которые заставляли тестя немного прибавить. Как правило, богатые не жалели средств на приданое, напротив, бедняки часто почти что ничего не давали⁵.

В Сыр-Дарьинской области калым высшего разряда состоял из 30 лошадей, в том числе 8 кобыл с жеребятами. Отец приготавливал дочери юрту и ее убранство, давал ей верховую лошадь, платье, украшения⁶.

¹ П. Е. Маковецкий. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов, вып. 1. Омск, 1886, стр. 2—14.

² П. Е. Маковецкий. Указ. работа, стр. 9.

³ Х. Кустанаев. Этнографические очерки киргиз Перовского и Казалинского уездов. Ташкент, 1894.

⁴ В. Д. Тронов. Обычай и обычное право киргиз. «Записки РГО по отделению этнографии», т. XVII, вып. 2. СПб., 1894, стр. 71—75.

⁵ Н. Изразцов. Обычное право («адат») киргизов Семиреченской области. «Этнографическое обозрение», 1897, № 3, кн. XXXIV.

⁶ А. Диваев. Несколько слов о свадебном ритуале киргизов Сырдарьинской области. «Ученые записки Казанского ун-та», кн. 4, 1900.

У казахов Уральской области калым достигал нескольких тысяч рублей, причем обыкновенно уплачивался не деньгами, а скотом¹.

Наконец, А. Подварков сообщает, что калым платят все казахи (киргизы). Богатые уплачивают 60 баранов, 4 кобылы с жеребятами и 2 жеребца, а бедные не менее 10 голов крупного или мелкого скота. Случалось, что часть калыма, не полученная своевременно до свадьбы, не взыскивалась вовсе, особенно если молодые жили хорошо. Калым не возвращали, если невеста заболела или умерла или же если жених отказывался от нее; в случае отказа невесты от брака калым возвращали. Невеста по выходе замуж обычно приносила с собой приданое, состоявшее из одежды, домашней утвари и скота, которое составляло ее личную собственность и при разводе возвращалось ей².

Нам представляется, что между калымом у казахов и калымом у горных таджиков имеется некоторое подобие, объясняемое сходными социальными условиями в прошлом, господством патриархальных отношений, в значительной степени — натуральным характером всего хозяйства.

Перейдем теперь к рассмотрению вопроса о калыме у некоторых других народов, близких или отдаленных соседей таджиков.

У хезарейцев и джемшидов, по сведениям, собранным Э. Г. Гафферберг, сторона жениха должна была уплатить отцу невесты калым. О величине калыма договаривались заранее, еще до помолвки, однако, согласно обычаю, перед заключением обряда бракосочетания происходил публичный торг о размере калыма и в результате уполномоченный отца невесты снижал величину калыма до заранее обусловленной. Через три дня после совершения брачного обряда, во время угощения, называемого «сурфариза», вопрос о величине калыма опять поднимался и калым снова несколько снижался. В этот же день к вечеру должна была быть доставлена половина калыма; вторую половину доставляли ко дню свадьбы. Сумма калыма обычно приравнивалась 100 баранам, причем между родственниками эта сумма часто снижалась. Калым не платили в случае обмена девушками. Однако, как правило, уплата калыма была необычайно тяжела особенно для бедняков, чем объясняется большой процент неженатых среди беднейших слоев населения. Часто молодой человек, чтобы добыть себе жену, нанимался в батраки и работал лет 10—15, отдавая заработок отцу своей невесты в счет калыма. В результате, женившись, он и в дальнейшем должен был оставаться в постоянной зависимости от богачей. Случалось даже и так, что отец девушки, которому надоедало ждать полной уплаты калыма от бедного жениха, продавал дочь более богатому претенденту³.

Относительно афганцев мы имеем свидетельство еще Эльфинстона (начала XIX века) о том, что они покупают своих жен. Цена женщины у афганцев варьирует в зависимости от достатка семьи жениха. Результатом этого обычая является то, что женщины, к которым вообще относятся с почтением, рассматриваются до известной степени как собственность. Муж может дать жене развод, но не обязан сообщить мотивы; жена не может покинуть мужа. Если муж умирает раньше жены, а его вдова выходит замуж в чужую семью, то сумма, которую он за нее уплатил, возвращается его сородичам. Молодой человек обычно долгое время занят собиранием средств на покупку жены, которые намного превышают стои-

¹ М. Н. Бекимов. Свадебные обряды киргизов Уральской области. «Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», 1905, 4.

² А. Подварков. Брак и развод у киргиз. «Средняя Азия», 1900, кн. II.

³ Э. Г. Гафферберг. Форма брака и свадебные обряды у джемшидов и хезарейцев. «Советская этнография», 1936, № 1, стр. 83—92.

мость приданого¹. О выкупе жен сообщают также и более поздние авторы². Однако наряду со свидетельством об уплате калыма мы имеем относительно афганцев также сведения о даче женихом будущей жене обеспечения на случай развода — махра³. Повидимому, у афганцев, как и у таджиков в ряде мест, возможно, в городских центрах и в прилегающих к ним районах, уже не сохранивших патриархально-натуральных отношений, калым исчезал или вовсе исчез, заменившись обеспечением, обусловливаемым жене со стороны мужа.

Брак путем уплаты калыма практикуют и народы, живущие в малодоступных горах Гиндукуша, где и до недавнего времени господствовали еще патриархальные отношения и сохранялось натуральное хозяйство. Майор Биддельф сообщает, что при согласии сторон на брак происходит обмен подарками, иногда тут же уплачивается и выкуп. В Ясине иногда похищают невест с согласия родителей, если нечем заплатить калым⁴. К. Риттер, со слов мурлы Неджиба, сообщает, что кафиры Гиндукуша живут в многоженстве и приобретают себе жен меной на домашний скот⁵. Исследователь кафиров Робертсон сообщает следующее: «Браки совершаются очень просто; это явная купля женщины мужчиной. Когда человек захочет жениться на какой-либо девушке, он посылает приятеля к ее отцу, чтобы попросить его согласия и договориться о цене, о которой часто торгуются в течение долгого времени. Когда размер платы установлен, сватающийся посещает дом девушки, режут козла, устраивается кое-какое угощение — и брак заключен»⁶.

Калым широко распространен также и среди курдов, народа, в основной своей массе еще сохранявшего в Иране и Турции кочевой образ жизни и патриархальный бытовой уклад. В отношении ереванских курдов еще в конце прошлого века Ергизаров писал, что им были известны две формы брака: путем похищения девушки и путем уплаты за нее выкупа — калыма. Жених дает родителям невесты выкуп: от 5 до 50 рублей наличными деньгами, 10—100 баранов и коз, 1—5 быков, лошадь с седлом и со всеми принадлежностями для верховой езды. Кроме того, в день совершения церемонии «арэкерин» (изъявление согласия) отец жениха дает отцу невесты ружье или пару pistols и 5—20 рублей. Невеста в свою очередь приносит приданое, состоящее из ковра, постели, вязаных вещей, на сумму 20—80 рублей. Если жена через некоторое время разведется с мужем и возвратится к родителям, то последние обязаны отдать бывшему зятю по крайней мере две трети выкупа. При таком положении дел, прибавляет автор, женитьба должна быть крайне стеснительна для бедных. Но благодаря обычаю «раджи» положение облегчается: все общество по мере возможности помогает им; один дает козла, другой барана, более богатый лошадь и т. п.⁷

Об иранских курдах исследователь Аракельян сообщает, что молодой курд должен послать сватов к родителям молодой девушки и купить ее у них, так как курд никогда не выдаст свою дочь замуж без получения

¹ Elphinstone. Account of the Kingdom of Caubul, t. I. London, 1815, стр. 236—238.

² E. D. F o r g u e s. Les Afgan chez eux. «Revue des Deux Mondes», 1863, № 11, стр. 232; T. L. P e n n e l. Among the wild tribes of the Afghan frontier. London, 1912, стр. 193—195.

³ Elphinstone. Указ. работа, стр. 238.

⁴ Биддельф. Народы, населяющие Гиндукуш. Асхабад, 1886.

⁵ К. Риттер. Кабулистан и Кафиристан. СПб., 1867, стр. 22.

⁶ Дж. С. Робертсон. Кафиры Гиндукуша. Ташкент, 1906, стр. 212.

⁷ С. А. Ергизаров. Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии. «Записки Кавказского отд. РГО», кн. XIII, вып. 2, 1891, стр. 49—52.

определенной суммы. Часто не могут стовориться о цене, однако считается большим бесчестьем для молодого человека предоставить ее другому из-за цены. Он должен в таком случае похитить ее. Жених может отослать назад девушку в случае, если она не окажется невинной; тогда, а также в случае отказа со стороны невесты, уплаченная женихом сумма возвращается ему, но если жених откажется жениться на своей невесте без всякой причины, ему возвращают только расходы по обручению. Во время совершения обряда бракосочетания у курдов практикуется публичный торг за невесту. Размеры калыма определяются в среднем в 20—50 баранов, 1—10 золотых, пару буйволов, коней или мулов, смотря по состоянию жениха¹. Наконец, еще один исследователь курдов, Смирнов, сообщает, что при женитьбе отцу уплачивается за дочь от 50 до 300 рублей; на эти деньги отец девушки должен сделать приданое, но на самом деле на приданое тратится обычно не больше трети их².

При столь безраздельном господстве брака путем уплаты калыма у курдов значение махра,—обеспечения, даваемого женихом невесте, которое обычно появляется, как мы видели, на стадии исчезновения калыма,—еще, повидимому, не велико. Об этом можно судить со слов одного из новейших исследователей курдов — Никитина, сообщающего, что хотя в брачном контракте у курдов указывается сумма махра, но в большинстве случаев это лишь простая фикция³.

Южные соседи курдов, лурцы и бахтиары, многочисленные племена которых сохраняют и по настоящее время в горах Загроша на юге Ирана кочевой быт, тоже практикуют брак покупкой. Русский исследователь конца XIX столетия Туманский сообщает, что цена за девушку у луров очень высока; сумма, которую вступающий в брак мужчина дает родителям невесты, «шир беха», т. е. «цена молока» матери, вскормившей невесту, доходит до нескольких тысяч туманов и редко спускается ниже 100—200 туманов⁴. Английская путешественница того же времени Бишоп относительно бахтиаров пишет, что у них договор, заключаемый при обручении, оглашают во время свадьбы. В договоре указывают количество рогатого скота, кобыл и овец или сумму денег, которую родители жениха должны заплатить стороне невесты⁵.

Весьма любопытным материалом по вопросу о калыме, притом в наше время, мы располагаем в отношении кашкайцев — небольшого тюркоязычного кочевого народа, проживающего в иранской провинции Фарс,—восточных соседей бахтиаров. Очень ценно то обстоятельство, что тот же источник сообщает о бытовании у кашкайцев до сего времени большой патриархальной семьи, насчитывающей иногда до 100 членов и управляемой старейшиной, наделенным неограниченной властью над остальными членами семьи. Все указанные материалы мы находим в вышедшей в 1945 г. в Тегеране на персидском языке книге Бахман Биги, посвященной быту племен, населяющих провинцию Фарс. Калым у кашкайцев носит название «башлук». Состоит он обычно из скота, денег и других ценностей, которые сватающийся дает отцу или опекуну девушки. При заключении родственного брака от калыма также не отказываются, но в таком

¹ Л. А. Аракелян. Курды в Персии. «Изв. Кавказского отд. РГО», т. XVII, № 1, 1904, стр. 22—27.

² К. Н. Смирнов. Поездка в северный Курдистан. «Изв. Кавказского отд. РГО», т. XVII, № 4, 1904, стр. 310.

³ В. Никитин. La vie domestique kurde. «Revue d'Ethnographie et des traditions populaires», 1922, № 12, стр. 341.

⁴ Шт.-кап. Туманский. От Каспийского моря к Ормузскому проливу и обратно. «Сборник материалов по Азии», вып. LXV, 1896, стр. 42.

⁵ В и ш о п (Isabelle Bird). Journeys in Persia. London, 1891, стр. 355, 356.

случае семье жениха делают значительную скидку. Полный отказ от калыма считался бы оскорблением для выдаваемой замуж девушки, это свидетельствовало бы, что личные качества данной девушки не высоки.

Размер калыма зависит от богатства обеих сторон, происхождения и красоты девушки. Особенно большую роль играет происхождение. Как говорит автор, кашкаец, при всей любви к красоте, скорее возьмет в жены блондинку, дочь старейшины, чем красавицу, дочь погонщика верблюдов. Среди некоторых кашкайских племен, например среди племени шиш-будуки, калым настолько велик, что руководители племени и родов штрафами и пеней пытаются ограничить его величину. Уплата калыма для бедноты является очень трудным, а иногда и невозможным делом. Многие, уплатив калым, окончательно разоряются. Поскольку при родственных браках величина калыма снижается, такие браки практикуются очень часто, часто даже вопреки желанию девушки. Для облегчения уплаты калым вносится частями, и первый взнос служит гарантией, что девушка будет выдана замуж за данного юношу. После первого взноса отец девушки уже не может принимать других сватов. Если отец передумает, то должен вернуть стороне жениха все полученное, если же откажется от брака юноша без достаточных оснований, он ничего не может требовать обратно. Расходы жениха и его семьи тем более ощутительны, что они не компенсируются приданым, которое вследствие того, что девушка не наследует имущества отца, очень не велико и состоит из нескольких предметов личного обихода девушки, приготовленных обычно ее собственными руками. Размеры махра тоже очень малы, женщина в большинстве случаев отказывается от своих прав на махр, тем более, что разводы среди кочевников встречаются, как исключение¹.

Нам остается рассмотреть вопрос о калыме у персов Ирана.

Прежде всего следует оговориться, что как в отношении современности, так, повидимому, и для средних веков к вопросу о формах брака в Иране нельзя подходить с единой меркой. Наряду с существованием в Иране городской жизни, высокоразвитых товарно-денежных отношений и крупной и мелкой буржуазии, мы находим в Иране ряд глухих, изолированных районов, населенных земледельцами, среди которых еще крайне силен патриархально-натуральный уклад жизни, определяющий преобладание патриархальных отношений и в семье. Поскольку брак покупкой, брак путем уплаты калыма связан, повидимому, с патриархальной семьей и с патриархальными отношениями, то его следует искать главным образом в этих отсталых сельских районах, в крестьянских семьях. Среди городского населения, в высших классах, в широких слоях торгового и ремесленного сословия, где господствует моногамная семья, калым уже исчез. В этом отношении напрашивается сравнение со Средней Азией, где на равнинах и в городах калым исчез уже во второй половине XIX века, а в горных областях Таджикистана и среди кочевого населения степей сохранялся вплоть до Великой Октябрьской революции.

Автор одной из новейших работ по истории иранской семьи, Мазахери считает, что иранская семья в течение тысячелетия, с V века до н. э. по V век н. э., испытала большую эволюцию в смысле изживания патриархальных пережитков, разложения большой семьи и улучшения положения женщины, ставшей в эпоху Хосроя Ануширвана почти независимой. Исследуя различные источники сасанидской эпохи, автор, несомненно, имеет дело с семейным укладом городских жителей. Он говорит

¹ Мохаммед Бахман Биги. Обычай племени Фарса. Тегеран, 1945 (на персидском языке).

о значительном приданом женщины, соответствовавшем богатству ее семьи, а также об обеспечении жены со стороны мужа, которое давало ей определенный доход¹. Женщина могла распоряжаться своими средствами, и это было большим прогрессом, говорит автор, поскольку в прежние времена она сама рассматривалась как собственность мужа². Несколько иную картину рисует Кристенсен. Он упоминает о плате, вносимой новобрачным отцу невесты; это позволяет думать, что перед нами нечто вроде калыма. Ссылаясь на сасанидскую книгу Денкард, автор говорит, что эту плату муж в некоторых случаях может потребовать обратно, например, если женщина окажется не стоящей этой суммы, т. е., вероятно, бесплодной³.

В отношении брачных платежей у персов имеется целый ряд свидетельств западноевропейских путешественников XVII и начала XVIII века. Свидетельства эти, однако, не вносят необходимой ясности и лишь позволяют догадываться, что мы имеем здесь дело, с одной стороны, с калымом, с другой стороны, с приданым и обеспечением жены мужем. Вероятнее всего, что здесь речь идет в основном об описании обычаев городского населения. Такие авторы, как Тавернье и Шарден, имели дело главным образом с торговым сословием, а также вращались в высших слоях общества: Шарден был придворным ювелиром шаха, миссионер Рафаил дю Ман полвека прожил в Исфагани, при дворе Сефевидов.

Пиетро Де-ла-Валле (путешествовавший по Ирану в 1614—1621 гг.) сообщает, что женщина ничего не приносит при свадьбе своему мужу, кроме кое-каких домашних вещей⁴. Адам Олеарий (30-е годы XVII века), описывая брачные платежи, имеет, повидимому, в виду и плату за жену, и обеспечение, вносимое мужем. Договариваются о плате, сообщает он, которую дают родные жениха, но не родные невесты. Эта плата состоит из денег, которые жених посылает незадолго до свадьбы в качестве компенсации отцу и матери за воспитание дочери; или же жених обещает невесте определенную сумму по брачному контракту, выплачиваемую в случае развода⁵. Шарден (60—70-е годы XVIII века) утверждает, что в Иране девушек выдают замуж без приданого, дают лишь некоторые домашние вещи, однако по смерти отца дочь может получить треть его имущества. Жена по брачному контракту получает обеспечение, которое она может требовать при разводе. О плате за жену Шарден не говорит ничего⁶. Тавернье, совершивший между 1636 и 1663 гг. шесть путешествий в Иран, говорит об обеспечении жены мужем частью своего имущества и посылке ей денег и одежды, не упоминая о плате за жену. Однако несколько дальше, при описании свадьбы, этот автор сообщает подробности, которые свидетельствуют о плате, вносимой женихом родителям девушки. Когда молодая, пишет он, находится у дверей дома своего будущего мужа, в случае, если для того, чтобы склонить ее родителей к браку, была обещана большая сумма, которую муж не хочет или не может выплатить,

¹ Имеется, повидимому, в виду обеспечение, подобное мусульманскому махру. Возможно, что обеспечение жены мужем в сасанидском Иране послужило образцом для тариатного махра.

² A. M a z a h é r i. La famille iranienne aux temps anteislamiques. Paris, 1938, стр. 107, 108.

³ A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides. Copenhague, 1936, стр. 322, 323.

⁴ P i e t r o D e l l a V a l l e. Suite des fameux voyages, t. II. Paris, 1664, стр. 356.

⁵ A. O l e a r i u s. Relation du voyage, traduit de l'allemand par A. de Wicquefort, t. I. Paris, 1876, стр. 585.

⁶ Voyages du chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'Orient, t. VI. Paris, 1811, стр. 275.

он держит двери закрытыми, заявляя, что не хочет жены за такую цену. После некоторого торга родители снижают цену¹.

Сообщение Рафаила дю Мана, большого знатока жизни Ирана XVII века, по интересующему нас вопросу также недостаточно отчетливо. Веню должно быть уплачено женщине, говорит он, в том случае, если муж захочет развестись с женой. Здесь, повидимому, речь идет об обеспечении махром.

Далее автор говорит, что после заключения соглашения жених должен послать невесте «башлык», т. е. деньги на ее одежду и на мебельровку. Сторона невесты должна в ответ снабдить ее всем необходимым; при этом все заготовленное показывают родным жениха и оценивают вдвое против стоимости, чтобы показать, что башлык удвоен².

Если под башлыком в Иране обычно понимается калым, то в описанных дю Маном свадебных платежах персов — горожан второй половины XVII века — мы усматриваем полную аналогию с тем, что мы видели для Бухары конца XIX — начала XX века.

Путешествовавший по Ирану в начале XVIII века де Брюн упоминает о махре и приданом. Муж, пишет он, по контракту дает жене сумму денег, которая остается в его владении. Если муж умирает, его наследники обязаны выплатить вдове эту сумму и, кроме того, дать ей восьмую часть имущества покойного. Если же жена умирает раньше, то это обеспечение идет детям. Родители в свою очередь дают дочери приданое, то, что они считают нужным, дочь же письменно отказывается от каких-либо других претензий при разделе имущества между ее братьями и сестрами³.

Упоминание о махре в середине XIX века мы находим у Черныева, который, с нашей точки зрения, правильно выводит генезис этого установления из калыма. Жених должен обеспечить будущность своей жены, пишет он, предоставив в ее пользу известную сумму, которую она получает или по смерти его, или в случае развода. Он как будто покупает жену. Обычай этот основывается на первоначально существовавшем обычае приобретать жену за деньги, как товар. Впоследствии, со смягчением нравов, этому торгу был дан вид контракта. В этом виде существует брачный союз между мусульманами и в настоящее время. Черныев упоминает также об определенном взносе — шир беха, который мужчина делает теще⁴. Об исчезновении в тот же период калыма говорит и Гобино. В зажиточных семьях, пишет он, отец требует от жениха 30 туманов в качестве платы за невесту, и чаще всего эта сумма тратится на девушку⁵.

Высказанное нами выше положение о том, что среди персов обычай уплаты калыма продолжал сохраняться в сельских местностях, в то время как он уже исчез в городах, повидимому, остается верным и для XX века. В. А. Жуковский, комментируя народные свадебные песни, записанные в основном в сельских местностях, пишет, что, кроме расходов на угощение, одной из самых тяжелых затрат для жениха является уплата взноса за невесту ее родителям. Взнос этот, называемый по-персидски «шир беха» (плата за молоко), а по-турецки «башлык» (плата за голову), может состоять как из денег, так и из разных вещей, домашних животных, дорого

¹ Tavernier. Les six voyages, t. I. Paris, 1719, стр. 719, 720.

² R. du Mans. Etat de la Perse en 1600, publié par Ch. Schefer. Paris, 1890, стр. 115—125.

³ Le Brun. Voyages par La Moscovie en Perse et aux Indes orientales, t. I. Amsterdam, 1718, стр. 224.

⁴ С. Ч-в [Черныев]. Судьба женщины на мусульманском Востоке. «Отечественные записки», 1855, кн. 7, стр. 63, 66.

⁵ Gobineau. Trois ans en Asie. Paris, 1859, стр. 441.

убранных лошадей и пр.¹ Другой исследователь населения Аббас-Абада (в Хорасане) сообщает, что там молодые девушки стоят очень дорого².

Напротив, описавшие городскую свадьбу персов в 20-х годах XX века Р. А. Галунов и С. М. Марр упоминают лишь об обеспечении жены — махре, приданым за невестой, и шир беха, причем последнее представляет собой лишь подарок матери на расходы по свадьбе³. Термин «шир беха», обозначавший в Иране, повидимому, первоначально калым, как это следует из сообщения Жуковского, с исчезновением в городах калыма приобрел другое значение — значение свадебного подарка.

VIII

Вопрос о генезисе калыма и приданого и о взаимосвязи этих институтов занимал многих исследователей, но особенно детальную разработку он получил в русской научной литературе. Высказываний русских исследователей мы коснемся подробнее ниже. Сейчас остановимся кратко на некоторых общих положениях и высказываниях.

Как известно, Л. Г. Морган, положивший начало научному изучению истории семьи, очень мало уделил внимания вопросу о происхождении брака покупкой. Характеризуя синдиасмическую семью, Морган указывает, что при заключении браков, бывших на этой стадии непрочными и легко расторгимыми, родственникам невесты делались подарки, что придавало браку характер покупки⁴. Несколько далее Морган пишет, что поскольку с развитием экзогамии оказалось необходимым искать жен в других родах, их стали добывать путем договоров и покупки⁵.

Первое высказывание Morgana впоследствии легло в основу положения Энгельса о том, что начало покупки женщин относится к стадии господства парной семьи, т. е. к эпохе господства материнского рода, и является симптомом происшедшего глубокого изменения, заключавшегося, как мы знаем из труда Энгельса, в накоплении богатства в семье и в возвышении роли мужчины⁶. Наибольшее развитие института экзогамии совпадает с развитием материнского рода, в недрах которого созрел новый порядок, приведший к возникновению новой формы семьи и к покупке женщин.

Некоторые буржуазные западноевропейские исследователи пытаются связать происхождение брака покупкой с браком умыканием и показать смену умыкания покупкой. Еще Леббок считал, что первоначально мужчина стремился похитить женщину из чужого племени, чтобы получить ее в свое исключительное пользование, а затем то же желание исключительного обладания женщиной, но взятой из своего племени, привело к замене похищения выкупом. По Г. Спенсеру, калым является выплатой компенсации за практиковавшееся похищение. Г. Кудов считает, что вследствие экзогамии, развившейся на определенной ступени развития общества, женщин сначала похищали в соседних ордах, а затем обменивали, иногда с приплатой, что впоследствии, с увеличением имущества, привело

¹ В. А. Жуковский. Образцы персидского народного творчества. СПб., 1902.

² Brietaux. Au pays du lion et du soleil. Bruxelles, 1908, стр. 135.

³ Р. А. Галунов. Средняя персидская свадьба. Сборник МАЭ, т. IX, 1930; С. М. Марр. К изучению персидской свадьбы. Там же.

⁴ Л. Г. Морган. Древнее общество. М., 1934, стр. 269.

⁵ Там же, стр. 271.

⁶ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1948, стр. 56 сл.

к выкупному браку¹. Довольно полно теорию происхождения покупки жены из похищения развил также голландский исследователь Вилькен.

Отметим еще точку зрения К. Каутского, хотя и связывавшего появление обычая покупки женщины с развитием меновой торговли, но также утверждавшего, что покупка сменила существовавший до нее брак похищением². Э. Гроссе, известный своей псевдонаучной теорией о связи форм семьи и брака с формами хозяйства, указывает, что муж стремился выкупить жену из ее материнского рода, чтобы ввести ее в свой род, что в конечном счете вело к установлению патриархальных отношений. Мы знаем, однако, что для Гроссе матриархат и патриархат отнюдь не являлись последовательными ступенями в общественном развитии, поэтому указанное только что положение повисает в воздухе³.

В заключение этого беглого перечня некоторых буржуазных теорий отметим еще насквозь идеалистическую концепцию Э. Краулея, выводящего куплю жены или плату за невесту из идеи отдачи женихом части самого себя⁴.

Перейдем к высказываниям русских исследователей, которые не меньше, чем калыму, уделили свое внимание вопросу о происхождении приданого и о его отношении к калыму.

Еще в середине XX века К. Д. Кавелин, рассматривая в историческом аспекте различные формы брака, практиковавшиеся у русского народа, не мог, естественно, обойти и вопроса о плате за невесту и приданом. Указывая, что появление приданого не может быть отнесено не только к эпохе господства брака путем похищения, но и к эпохе господства брака куплей, Кавелин считает несовместимым одновременное существование платы за невесту и приданого, что, по его словам, «было бы чем-то таким искусственным, что простым, здравым рассудком, которого так много у каждого неразвитого народа, понять нельзя, да и нельзя выдумать»⁵. Приданое и плата за невесту — явления различных порядков, двух разных бытовых укладов. Где есть похищение невест, там еще нет никаких отношений, между родами, кроме враждебных, покупка невест предполагает уже мирные отношения, гражданский союз. Когда же брак получил характер договора, родственники стали стремиться обеспечить хозяйство и довольство молодых, что и повело к возникновению приданого.

Эта постановка вопроса К. Д. Кавелиным в 70-х годах XIX столетия подверглась критике со стороны исследователя северорусского быта П. С. Ефименко⁶. Полемизируя с Кавелиным, П. С. Ефименко возражает против мнения, что при браке похищением у русских не могло быть приданого, так как это похищение было условным. Но так как Кавелин идет еще дальше и возражает против совместности купли и приданого, на это следует возразить, говорит П. С. Ефименко, что купля невест не исключает приданого, чему можно привести много примеров не только среди русских, но и среди других народов. Таким образом, факты не подтверждают мнения Кавелина о несовместимости платы за невесту и приданого.

¹ Г. У н о в. О происхождении брака и семьи. М., 1923, стр. 70 сл.

² К. Ка у т с к и й. Возникновение брака и семьи. П., 1923, стр. 64.

³ Э. Г р о с с е. Формы семьи и формы хозяйства. М., 1898, стр. 235, 236.

⁴ Э. Кра у л е й. Мистическая роза. СПб., 1905, стр. 386. О новейших высказываниях некоторых буржуазных этнографов см.: Д. А. О л ь д е р о г г е. Из истории брака и семьи (Система лобла и различные формы кузенного брака в Южной Африке). «Советская этнография», 1947, № 1, стр. 14.

⁵ К. Д. К а в е л и н. Собр. соч., т. IV, стр. 243.

⁶ П. С. Е ф и м е н к о. Приданое по обычному праву крестьян Архангельской губернии. «Записки РГО по Отд. этнографии», кн. III, 1873, стр. 103—114.

Ефименко не видит в этом ничего странного, так же как нет ничего странного во взаимном обмене обеих сторон при браке подарками по пословице «подарки дарят — отдарков глядят». Приданое, говорит П. С. Ефименко, возникает очень рано, еще до развития наследования дочерью; это развитие лишь изменяет представление о приданом.

Отметим здесь также, что, как вытекает из указанных работ К. Д. Кавелина и П. С. Ефименко, оба автора стояли на той точке зрения, что исторически последовательно существовали три формы брака: похищение, покупка и собственно брак, или договорный брак. Каким образом брак похищением сменяется браком куплей — эти исследователи не объясняют.

Точку зрения П. С. Ефименко разделял и московский юрист А. Г. Смирнов, автор обстоятельной работы о семейных отношениях у русских. Повторяя аргументацию Ефименко, Смирнов указывает, что всякий обычай в основании своем разумен. Следует думать, говорит Смирнов, что первоначально родители стремились снарядить дочь для жизни в доме мужа, давали ей одежду и вещи для хозяйственного обзаведения. Во всем этом нет ничего несовместимого с платой за невесту. Приданое делается на средства семьи невесты и дается ей в качестве ее отдельного имущества. Плата же дается семьей жениха семье невесты. Да и интересы мужа, выделенного в отдельное хозяйство, не тождественны с интересами его семьи, и приданое имеет целью помочь молодым. Различие интересов жениха, невесты и их семей оправдывает существование купли наряду с приданым¹. У того же Смирнова мы находим высказывание по вопросу о природе платы за жену. Автор не согласен с тем, что при браке по покупкой девушку рассматривают в качестве товара. Он указывает, что первоначально в семье (о какой семье идет речь — неизвестно) все мужчины имели право на своих девушек, отдавая их на сторону, они могли требовать вознаграждения, особенно если девушка была невинной. Так как вообще все женщины принадлежали семье, первобытное общество считало, что за свою отдаваемую на сторону девушку нужно получить вознаграждение, не говоря уже о необходимости компенсации за отдаваемую работницу, за расходы по воспитанию и т. п. Но так как часто брачный договор имел сходство с договором купли-продажи, то они отождествлялись. Постепенно плата за невесту перешла в символ и сохранилась лишь в свадебных обычаях².

Н. И. Зибер, выдающийся русский экономист 70—80-х годов XIX века, придерживался теории происхождения платы за невесту из пени, которая с течением времени пришла на смену мести за похищение девушек. Это похищение на ранних ступенях человеческого развития было всеобщим обычаем. Допустить самостоятельное возникновение платы за невесту как покупки Зибер не хочет потому, что понятие о покупке женщины могло возникнуть лишь при наличии патриархальных отношений, а факты говорят о том, что брачный дар или плата существовали и при матриархате. Таким образом, плату за невесту первоначально еще нельзя рассматривать как покупку, лишь на определенном этапе плата превращается в покупку. Касаясь спора между Кавелиным и Ефименко, Зибер соглашается с Кавелиным в том отношении, что похищение предполагает враждебные, а покупка — мирные отношения между родами, но считает, что Кавелин не прав, утверждая, что приданое и плата за невесту исключают друг друга. Напротив, говорит Зибер, они совершенно совместимы,

¹ А. Смирнов. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. «Юридический вестник», 1877, сентябрь-октябрь, стр. 143—151.

² Там же, стр. 133—143.

так как совершенно разнородны и поступают в различные руки. В этом отношении следует признать правым Ефименко, когда он говорит, что плата за невесту и приданое прекрасно уживаются между собой. Однако, пишет Зибер, Ефименко в свою очередь ошибается, объясняя подобную совместимость обычаем дарения и отдаривания, поскольку вопрос о свадебных подарках не имеет отношения к рассматриваемому вопросу¹.

Отметим здесь еще высказывание М. И. Кулишера по вопросу о приданом. Трактую вопрос о произволе мужа у племен, покупающих жен, этот автор указывает, что общественные власти ограничивают этот произвол, в частности произвол мужа в отношении развода, мероприятиями материального характера. В более ранние времена вопрос ставится о судьбе, в случае развода, покупной цены, данной за жену, позднее — о судьбе приданого, возникновение которого в свою очередь оказало воздействие на улучшение положения женщины и возвышение ее значения в брачном союзе². В этом кратком высказывании интересны соображения автора о позднем появлении приданого, по сравнению с платой за невесту, и о связи приданого с более высоким положением женщины в семье.

Естественно, что мимо вопроса о покупке невесты и о связи платы за жену с приданым не мог пройти и такой крупный ученый и исследователь родовых и семейных отношений, каким являлся М. М. Ковалевский. Полемизируя с Зибером по вопросу о времени появления брака покупкой, Ковалевский отрицает положение, что брак покупкой не мог появиться при господстве материнского рода, а возник лишь в эпоху отцовского рода и патриархальной семьи. Согласно Ковалевскому, весь вопрос сводится к тому, в чью пользу шел платеж; в эпоху материнского рода место отца в деле получения платы за невесту занимал старший родственник по матери, а место старшего агната в роде — старший когнат. Покупка невесты женихом при господстве материнского рода известна, говорил Ковалевский, в ряде случаев, будь то в форме обмена женщинами, в форме отработки или же уплаты одним обществом другому известного количества скота и других повинностей. Ковалевский рассматривал плату за невесту как компенсацию за отчуждение рабочей силы, причем сделка эта заключается не между отдельными лицами, а между целыми обществами³. Указывая далее, что между браком похищением и браком покупкой не следует устанавливать преемственной связи и что оба института могли существовать одновременно (покупка — в среде близких родов, похищение — в чужих), Ковалевский полагал, что зиберова теория компенсации за похищение (с которой совпадала и теория Вилькена) лишь объясняет процесс отмирания этого обычая, а отнюдь не процесс зарождения купли⁴. Укреплению брака покупкой способствовали в дальнейшем государственные власти, а также приход на смену экзогамии института эндогамии, диктовавшегося новыми религиозными предписаниями⁵.

Задаваясь вопросом о том, как возник институт приданого, М. М. Ковалевский также приводит точки зрения Кавелина, с одной стороны, и Ефименко и Смирнова, — с другой. Он прежде всего отводит формулу Ефименко «подарки дарят — отдарков глядят» как не имеющую никакого

¹ Н. И. Зибер. Очерки первобытной экономической культуры. М., 1937, стр. 274—285.

² М. И. Кулишер. Развод и положение женщины. СПб., 1896, стр. 265, 266.

³ М. Ковалевский. Первобытное общество, т. II, Семья. М., 1886, стр. 82, 83.

⁴ Там же, стр. 84—85.

⁵ Там же, стр. 107—109.

отношения к вопросу о плате за невесту и приданом. Обоюдные подарки, говорит Ковалевский, являются лишь знаком взаимного расположения, выражением дружеских отношений между двумя сторонами и практикуются не только при браке, но и в некоторых других случаях. Напротив, мнение Кавелина о непримиримости купли — приданого основательно, тем более, что при купле женщина рассматривается как вещь, что вряд ли совместимо с приданым. Однако, говорит Ковалевский, многочисленные факты свидетельствуют об одновременном существовании калыма и приданого. Каким образом можно примирить это противоречие? Ковалевский считает, что приданое возникает в эпоху отмирания покупки. Однако, задав вопрос, как же возникает приданое, независимо от отмирания калыма или же калым постепенно уступает место приданому, Ковалевский считает, что первое предположение неверно, так как оно противоречит положению, что жена рассматривается как вещь (нельзя одновременно продавать женщину и оделять ее приданым). Для возникновения приданого нужно, чтобы купля стала лишь символическим актом и полученный калым поступал в пользу невесты, превращаясь в приданое. Ковалевского тем более устраивает этот вариант перехода калыма в приданое, что он «нимало не заставляет нас видеть в приданом какой-то новый институт, являющийся неизвестно откуда, а напротив того, не более как результат самопроизвольного вымирания калыма». Однако факты, приводимые далее Ковалевским, мало убедительны. Говоря о русских, он замечает, что ни один из фактов «не является наглядным проявлением самого процесса перехода калыма в приданое». Ковалевский отмечает, что остается невыясненным, почему в позднейшем праве приданое приносится не женихом невесте, а невестой жениху. Для объяснения этого Ковалевский делает оговорку, что приданое является не только наследником старинной платы за невесту, но и выражением тех подарков, какие невеста получала от своей родни. Постепенно первое значение калыма утерялось, а второе сохранилось, в отдельных же случаях, как, например, в русском обычном праве, сохранились то и другое значения¹.

В 1902 г. вышла в свет работа А. Н. Максимова, посвященная вопросу о пережитках старинных форм брака², в частности о пережитках матрилокального брака. Наряду с другими вопросами автор рассматривает также вопрос о приданом. Анализируя состав приданого у различных народов, Максимов приходит к выводу, что все необходимое для жизни супругов, включая и жилище, доставляется женой, а калым является выкупом этого приданого, т. е. имущества жены. Хотя сейчас это положение и представляется бессмысленным, говорит автор, оно находит свое историческое объяснение. В эпоху матрилокального брака, естественно, все хозяйственное обзаведение принадлежало роду или семье жены. При переходе же к патрилокальному браку, по обычаю, все хозяйственное обзаведение попрежнему должно было поставляться женой, но так как теперь оно уходило в семью мужа, последний должен был его выкупить. Таким образом, возник калым, который, по мнению Максимова, является не платой за жену, а платой за ее приданое. Теория А. Н. Максимова нашла своих последователей в лице Г. А. Бонч-Осмоловского и Ф. А. Филельструпа, занимавшихся изучением тюркских народов. Бонч-Осмоловский утверждает, что у всех тюркских народов калым и приданое строго эквивалентны и что калым является возмещением расходов на приданое.

¹ М. М. Ковалевский. Первобытное право. II. Семья, М., 1886, стр. 134 сл.

² А. Н. Максимов. Из истории семьи у русских инородцев. «Этнографическое обозрение», 1902, № 1, стр. 70—76.

Этот автор подробно рассматривает вопрос о свадебном жилище у тюркских народов и приходит к выводу, что брачная кибитка, равно как и свадебная занавеска, являются пережитком типа жилища, принадлежавшего невесте и входившего в состав приданого¹. Того же мнения придерживается и Фиельструп. Семья невесты дает хозяйственное обзаведение, жилище, пищу, а семья жениха поставляет сырые пищевые продукты².

Весьма разноречивы и неопределенны высказывания Л. Я. Штернберга по вопросу о происхождении калыма и об отношении калыма к приданому. В своей статье «Калым и приданое»³ Штернберг указывает, что у гилаков термин, употребляемый для выражения понятия калыма, собственно означает не «платить», а «дарить». Отсюда Л. Я. Штернберг делает вывод, что калым в своей основе не есть плата за невесту, а обязательный дар, к тому же двусторонний. Отец невесты обязан дать приданое и, кроме того, послесвадебные дары жениху, которые должны быть не меньше калыма. Вообще же приданое не должно быть меньше калыма, нарушение этого правила было бы позором для отца невесты. Приданое является компенсацией за калым, хотя и переходит в личную собственность жены. Калым не выплачивается в случаях ортодоксальных браков (т. е. браков в определенном роде), наоборот, он практикуется в случае, если жену берут из чужого рода. Тут необходим обмен подарками, который играет роль магическую (взаимная гарантия безопасности от дурных магических влияний, могущих последовать за нарушением табу жениться в чужом роде или выдать в чужой род девушку), религиозную (умилостивление оскорбленных духов) и социальную (символ дружбы). Л. Я. Штернберг отмечает и некоторые другие предпосылки к увеличению размеров калыма: у богатых — честолюбие, у бедных — шанс экономически окрепнуть, завести самостоятельное хозяйство. Однако в другом месте Л. Я. Штернберг несколько иначе трактует вопрос о калыме⁴. Определяя сущность калыма как покупку, Штернберг утверждает, что калым, с точки зрения его происхождения, являлся первоначально тем выкупом, который выплачивался в результате похищения женщин чужого рода и последующего примирения. Он выплачивался всему роду в целом, поскольку весь род обычно участвовал в похищении.

В этом последнем пункте к Л. Я. Штернбергу примыкает одна из его учениц — И. Д. Старынкевич, напечатавшая в 1930 г. статью о формах брака у некоторых народов Сибири и Средней Азии. Большая роль, которую играл калым у ряда народов Сибири и Средней Азии, и заинтересованность в нем родов обоих брачующихся приводят автора к убеждению, что калым являлся выкупом, сопровождавшим похищение и обряд примирения. Что касается приданого, то И. Д. Старынкевич указывает на некоторую несоразмерность его калыму, иногда даже и равенство того и другого, однако отмечает, что калым возник ранее приданого. «Калым, — пишет она, — обычно по своей стоимости бывает равен приданому, однако такое равенство обязательным не считается. Серошевский указывает на то, что обычай требует соразмерности, а не равенства между тем и другим. Смысл и цель этого равенства заключаются в необходимости сохранения экономического равновесия между отдельными родами. У якутов в уплате

¹ Г. А. Бонч-Осмоловский. Свадебные жилища турецких народностей. «Сборник материалов по этнографии», т. III, стр. 109.

² Ф. А. Фиельструп. Свадебные жилища тюркских народностей. «Сборник материалов по этнографии», т. III, стр. 121—122.

³ Л. Я. Штернберг. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Л., 1933, стр. 140—144.

⁴ Там же, стр. 8—9.

калыма принимают участие все члены рода или, по крайней мере, наиболее зажиточные. То же самое мы видим у алтайцев, у телеут, у киргизов и у других народностей... Приданое такой существенной родовой роли не играет; в большинстве случаев его собирают только ближайшие родственники невесты, некоторые из остальных сородичей иногда только его пополняют. Кроме того, хотя приданое считается обязательным, но от него можно отказаться¹.

Не обошел в своем курсе этнографии вопроса о браке покупкой и Н. Харузин². Он замечает, что принятая точка зрения, утверждавшая, что брак похищением предшествует браку куплей, устарела. В результате новейших исследований выясняется, что даже на низших ступенях культуры существовали обе эти формы брака. Однако в дальнейшем, на более высокой ступени, форма заключения брака похищением отмирает, а брак путем покупки получает преобладающее значение. Иногда похищение может вызвать куплю, иногда же купля может развиваться и самостоятельно. Н. Харузин указывает также, что плата за женщину, существовавшая как в агнатном, так и в когнатном роде, шла в этих случаях не отцу девушки, а старшему в роде.

В этом нашем небольшом обзоре нам представляется необходимым остановиться еще на одной работе, которая основана на кавказском материале и относится к концу XIX века. Это работа Л. В. Малинина «О свадебных платежах и о приданом у кавказских горцев»³. Работа Малинина представляется нам любопытной потому, что ее автор, оперируя материалом, весьма сходным с приведенным в этой статье таджикским материалом, приходит к некоторым заключениям, свидетельствующим о том, что русская этнографическая мысль по вопросу о калыме и приданом значительно опередила зарубежную этнографию, придя к более глубоким и правильным выводам. Л. В. Малинин указывает, что на Кавказе калым существовал повсеместно еще не в столь далеком прошлом, а затем с развитием культуры стал исчезать. Калым безусловно был куплей-продажей женщины; в случае измены жены или ухода ее от мужа калым возвращался. Калым первоначально предназначался всему роду, позднее — главе семьи (имеется в виду большая семья), а затем уже родителям или ближайшим родственникам. Если калым трудно было собрать, помогали сородичи. Величина калыма зависела от большего или меньшего влияния родового быта и наличного числа женщин, что указывает, говорит автор, на общий закон обмена, обусловливаемый спросом и предложением. Институт приданого на Кавказе — позднейшее явление, в более глухих горных углах его не было. Приданое — неотъемлемая собственность женщины, по ее смерти оно переходит к ее детям или возвращается в ее род. Основанием приданого является общечеловеческое чувство любви и привязанности родителей к своим детям; это чувство постепенно пересиливает родовые тенденции, и отец выделяет дочери долю из родового имущества. Рост культуры и гражданственности разрушает родовый быт и дает простор чувству родительской любви. Первоначально отец выделяет дочери кое-что из движимой собственности, недвижимой он еще не мог тронуть, «слишком оцутан еще родовым контролем и традициями». На смену калыму, говорит Малинин, появляется махр, или кебин, который способствует преобразованию или исчезновению калыма. Автор отмечает также факт обмена у кавказских народов всевозможными подарками

¹ И. Д. Старынкевич. Форма заключения брака у турецких племен Сибири и кочевников Средней Азии. Сборник МАЭ, т. IX. Л., 1930, стр. 232—233

² Н. Харузин. Этнография, т. II. СПб., 1903, стр. 279, 283—287.

³ «Этнографическое обозрение», 1890, № 3.

между родней жениха и невесты, причем подарки со стороны жениха всегда ценнее и многочисленнее, чем подарки со стороны невесты.

Наиболее существенное значение для нашего обзора имеют, однако, работы наших советских ученых. В первую очередь надо назвать работу М. О. Косвена, опубликованную им под названием «Брак-покупка» в 1925 г.¹, на которой мы остановимся несколько более подробно.

М. О. Косвен указывает, что человечество в своем развитии прошло через такую форму брака, которая представляла собой чисто торговую сделку, где женщину продавали и покупали, как товар. Предшествовавшие формы экзогамного брака сводились либо к похищению женщин, либо к мирному обмену ими. Общее развитие хозяйственного обмена обратило все блага в меновые ценности, начала продаваться и покупаться также и жена. Далее, М. О. Косвен указывает на участие всего рода или семейной группы в деле женитьбы или выхода замуж одного из членов. Оба рода являлись действующими лицами в свадебных обрядах, однако самая реальная доля участия рода в браке заключалась в том, что сородичи платили или получали плату за жену. Групповой характер покупного брака сказывался также и в том, что в случае смерти кого-либо из брачующихся его заменял другой родственник. Цена женщины зависела от ее качеств как работницы и как производительницы; влияли на цену также спрос и предложение. Играла роль и красота, однако понятие о красоте часто сводилось к здоровью, физической силе и способности к деторождению. Автор замечает, что часто, по недоразумению, плата за женщину изображается как добровольный подарок стороны жениха родителям невесты; с брачным платежом часто смешивают обрядовые подарки. Другим способом возмещения стоимости приобретаемой женщины являлась отработка мужа в доме будущего тестя, т. е. компенсация за приобретаемую жену трудом вместо внесения платы, но от этого порядка следует отличать совершенно иной по происхождению и историческому месту порядок перехода мужчины в семью жены навсегда.

В заключение обзора данной статьи М. О. Косвена приведем выдержку из нее, касающуюся вопроса эволюции платы за жену и приданого. «Реальная плата за женщину претерпевает с изменением всего социально-экономического строя характерное эволюционное превращение. Распад большой семьи и выделение из нее малых семейных ячеек ведет к необходимости для каждой молодой пары создавать свое отдельное хозяйство, а для этого в новых экономических условиях необходима посторонняя помощь. Переходная форма, которая создается новыми отношениями в покупном браке, сводится к тому, что родители невесты, получив за нее плату, в свою очередь дают дочери приданое, стоимость которого, однако, значительно ниже полученной суммы. Затем входит в обычай, что стоимость приданого должна полностью покрывать сумму брачного платежа (якуты, армяне, буряты, чуваша, великороссы). Наконец, покупной брак отмирает, брачный платеж обращается в обрядовый пережиток, тогда как приданое не только остается, но приобретает еще большее социально-экономическое значение»².

В одной из новейших своих работ М. О. Косвен подчеркивает положение, что «приданое, имея свою сложную историю, возникает в истории брака (в подлинном своем виде) весьма поздно. Приданое, как некоторый выдел из имущества семьи, противоречит основному началу семейной общины — коллективности и неделимости ее имущества»³.

¹ М. К о с в е н. Брак-покупка. «Красная новь», 1925, № 2.

² Там же, стр. 213.

³ М. О. К о с в е н. Семейная община. «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 15.

Вопросу платы за невесту, разбираемому на южноафриканском материале, посвящена статья Д. А. Ольдерогге¹. Изучая систему лобола у южноафриканских народов, заключающуюся в передаче одной патриархальной семьей другой патриархальной семье определенного количества скота в качестве выкупа за девушку, Д. А. Ольдерогге склонен рассматривать сущность этого института как приобретение семьей жениха права на передачу будущим детям последнего своего имени. Если лобола не выплачено, то дети остаются принадлежащими группе матери. Таким образом, здесь «перед нами не простая покупка, а установление новых отношений: путем передачи скота патриархальная семья обеспечивает за потомством женщины свое имя». Отношения лобола, говорит Д. А. Ольдерогге, появляются тогда, когда древние родовые формы сменяются отношениями отдельных патриархальных семей. Лобола по мере роста товарного хозяйства и денежного обращения имеет тенденцию приобрести новое содержание, т. е. превратиться в реальную куплю-продажу женщины.

IX

Переходя к отдельным критическим замечаниям по предшествовавшему обзору, следует оговориться, что указанные в начале этого обзора мнения буржуазных ученых давно устарели и уже осуждены нашей наукой. Приводя их, мы хотели лишь показать, что эти ученые, в большинстве своем отрицавшие историческую преемственность ранних форм семьи, тесно связанную с развитием общества, не могли сказать ничего определенного об историческом месте брака покупкой, его генезисе и эволюции. Большинство из них склонно так или иначе связывать брак покупкой с якобы предшествовавшим ему браком похищением.

Повышенный интерес русских исследователей к рассматриваемому нами вопросу можно объяснить тем, что еще во второй половине XIX и в начале XX века форма брака покупкой была господствующей у многих народов, населявших Россию. Приобретение жен путем покупки у многих народов Сибири, калым у народов Средней Азии, выкуп за жену, известный под разными названиями у народов Кавказа, существование «вена», «кладки» у русских в более отдаленном прошлом, следы чего сохранились пережиточно в свадебных обрядах, — все эти факты привлекали к себе внимание ученых. Многие исследователи древнерусского быта неоднократно обращались к известиям летописи о существовании умыкания жен у радимичей, вятичей, северян и древлян, покупки жен у полян, приводя эти свидетельства для обоснования своих положений. Следует отметить, что и среди многих русских исследователей теория первоначального господства брака умыканием была весьма широко распространена.

В полемике между К. Д. Кавелиным и П. С. Ефименко по вопросу о калыме и приданом нам представляется более справедливой точка зрения Кавелина, заключающаяся в том, что плата за невесту и приданое — явления различных порядков. Обоих исследователей, естественно, могло смущать то положение, что многочисленные факты указывали на одновременное существование платы за невесту и приданого, однако эти авторы, вероятно, не отдавали себе отчета в том, что один из этих институтов представлял собой явление отмирающее, другой — растущее, и что те же причины, которые способствовали уничтожению платы за невесту, приводили к росту размеров приданого.

¹ Д. А. Ольдерогге. Указ. работа.

Теория Зибера о происхождении платы за невесту из пени не может быть принята уже по одному тому, что в таком случае мы должны принять положение об универсальном характере брака похищением на ранних ступенях общественного развития. Что же касается вопроса о возможности появления брака покупкой при патриархате, то об этом мы будем говорить ниже. Теория Зибера, как мы видели, подверглась критике М. М. Ковалевского, однако с несколько других позиций. Ковалевского, с одной стороны, не смущают доводы Зибера о связи брака покупкой с патриархальными отношениями, поскольку такая связь могла иметь место и при материнском роде. С другой стороны, Ковалевский совершенно правильно, с нашей точки зрения, отказывается видеть преемственность между браком похищением и браком покупкой и утверждает, что появление пени в качестве выкупа за похищение свидетельствует скорее о вымирании брака похищением, чем о зарождении брака куплей.

Что касается трактовки вопроса об отношении между платой за невесту и приданым; то М. М. Ковалевский, как нам представляется, прав, указывая, что покупка женщины вряд ли совместима с приданым и что последнее возникает в эпоху отмирания покупки. Однако следующее его положение, что плата за невесту с течением времени превращается в приданое, является ошибочным и только запутывает существо вопроса. Как мы видели выше, М. М. Ковалевский, запутавшись в своих построениях, сам недоумевает, почему в позднейшем праве приданое приносит не жених невесте, а невеста жениху; это противоречие он стремится объяснить тем, что приданое не только происходит от платы за невесту, но есть выражение подарков невесте от ее родни. Здесь Ковалевский противоречит сам себе, поскольку раньше он заявил, что подарки при бракосочетании не имеют никакого отношения к плате за невесту и к приданому.

Высказывания М. М. Ковалевского по вопросу о плате за невесту и приданом весьма характерны. Автор этот безусловно прав, когда, рассматривая калым и приданое в историческом аспекте, указывает, что на определенной ступени развития общества калым отмирает и появляется приданое. Но он неизбежно попадает в тупик, когда пытается отождествить приданое с калымом, утверждая, что с течением времени калым превращается в приданое.

Теория, выставленная А. Н. Максимовым, касается обоих интересующих нас здесь вопросов — вопроса о происхождении платы за невесту и приданого, с одной стороны, и вопроса о взаимоотношении и связи этих двух институтов, — с другой. Несмотря на свою внешнюю стройность, теория А. Н. Максимова, а также его последователей Г. А. Бонч-Осмоловского и Ф. А. Фиельструпа, не может быть принята нами по следующим соображениям. Во-первых, если принять эту теорию, то окажется, что приданое возникло гораздо раньше платы за жену и имело место на всем протяжении существования материнского рода, а может быть даже и раньше, с тех пор, как мужчина на длительное или на короткое время стал жить в роде жены. Во-вторых, если бы теория Максимова оказывалась правильной, то в действительности, во всех случаях и у всех народов, стоимость приданого должна была бы строго равняться стоимости платы за невесту; как мы знаем, однако, факты в большинстве случаев не подтверждают такого положения, а свидетельствуют как раз об обратном. Лишь в отдельных случаях приданое равняется плате за невесту, но эти случаи, как мы пытались показать на материале таджиков, объясняются совершенно другими причинами. Наконец, если мы примем теорию Максимова, то мы должны отказаться видеть в плате за невесту покупку и признать, что формы брака покупкой никогда не существовали.

У Л. Я. Штернберга, как видно из приведенных выше его высказываний, мы не находим ни четкого определения сущности платы за невесту и приданого, ни ясного указания на отношение одного к другому. Выставленное Л. Я. Штернбергом положение о калыме и приданом как о двустороннем обязательном даре близко к концепции П. С. Ефименко о сходстве платы за невесту и приданого с взаимными подарками. Другое положение Л. Я. Штернберга о калыме как выкупе, выплачивавшемся в результате похищения женщин чужого рода, по существу повторяет концепцию Зибера, с той лишь разницей, что, согласно Л. Я. Штернбергу, похищение не является первичной и универсальной формой брака, а возникает в действительной или имитативной форме в случаях отсутствия возможности заключения ортодоксального брака в определенном роде. Однако в другом месте Л. Я. Штернберг отвергает концепцию связи калыма с браком похищением. Чтобы не быть голословным, приведу соответствующие цитаты: «Современный способ приобретения жен выработался постепенно из старых родовых порядков, из коллективного и индивидуального похищения женщин чужого рода и последующего отмирания в виде выкупа, преобразовавшегося с течением времени в современный калым»¹. «Таким образом ясно, что по крайней мере у гияльков (есть много оснований думать, что и у других народов) калым отнюдь не является заменой брака путем похищения, как это до сих пор многими утверждается, а еще очень недавно считалось аксиомой»². Следует вместе с тем указать, что первая цитата взята из работы Л. Я. Штернберга, написанной в 1893 г., а вторая — из его работы 1910—1912 гг., и здесь можно видеть эволюцию взглядов автора по вопросу о браке похищением и браке покупкой. Для Л. Я. Штернберга весьма характерно идеалистическое объяснение происхождения калыма из религиозно-магических побуждений, хотя он же, очевидно под влиянием наблюдавшихся им самим фактов, должен был признать наряду с этими побуждениями и наличие экономического фактора. Вместе с тем следует отметить, что Л. Я. Штернберг рассматривает калым и приданое статично, а не как институты, которые следует рассматривать в историческом аспекте.

Н. Харузин, хотя и отвергает точку зрения преемственности брака похищением и брака покупкой, однако, будучи противником концепций Моргана и Энгельса и исходя из антиисторических позиций в области семейно-брачных отношений, вне зависимости от социально-экономических условий, склонен находить брак покупкой и на низших ступенях развития общества.

Переходя к работе Л. В. Малинина, следует отметить правильную, с нашей точки зрения, постановку автором вопроса об отношении калыма и приданого, о сущности эволюции обоих институтов. Весьма также интересны наблюдения автора по вопросу замены калыма махром, или кебином. Однако у Л. В. Малинина мы не находим толкования вопроса о происхождении калыма, что, естественно, объясняется самим материалом, которым оперировал автор, стадияльно более поздним. Нельзя согласиться с трактовкой Малининым вопроса о появлении приданого, которое он объясняет чувством любви и привязанности родителей к детям, постепенно переселивающим родовые традиции. Это, конечно, лишь внешнее проявление более глубоких процессов. В общем следует отметить, что в работе Л. В. Малинина отображены наиболее существенные вопросы, связанные с появлением калыма на Кавказе, и указанная работа является

¹ Л. Я. Штернберг. Указ. работа, стр. 8.

² Там же, стр. 140.

весьма полезной для всякого, занимающегося этим институтом, хотя бы и на материале других народов.

Нам кажется, что работа М. О. Косвена, посвященная вопросу брака покупкой, в основном вполне правильно излагает существо вопроса. Главными положениями этой работы с нашей точки зрения являются положение о существовании платы за невесту как купли-продажи женщины, об участии всего рода или семейной группы в деле заключения брака, о характеристике семьи на этом этапе развития как хозяйственной ячейки. Однако это положения более или менее известные и принятые в нашей науке. Весьма оригинальной и интересной является трактовка автором вопроса об отмирании калыма, зарождении приданого и развитии этого института. Положение М. О. Косвена о том, что причина появления и развития института приданого лежит в экономической необходимости обеспечить вновь возникающую малую семейную ячейку, представляется нам верным и заслуживающим всяческого внимания, так как это положение, насколько нам известно, до сего времени еще не выдвигалось.

Спорными мы считаем положения, выдвинутые Д. А. Ольдерогге в упомянутой нами его последней работе. Основная ошибка автора, с нашей точки зрения, заключается в известном, если можно так выразиться, стадильном анахронизме. Неоднократно подчеркивая в своей работе, что институт лобла связан непосредственно с патриархальной семьей, автор считает, что сущность этого института заключается в том, что посредством передачи известного количества скота за девушку семья жениха приобретает право на передачу детям своего имени. Однако, не вдаваясь в вопрос о правильности этого объяснения, мы думаем, что вопрос о счете родства по мужской или женской линии возникает на стадии становления отцовского рода и что для патриархальной семьи это уже пройденный этап. Далее, Д. А. Ольдерогге замечает, что лобла по мере роста товарного хозяйства и денежного обращения, т. е., очевидно, по мере разложения натурального хозяйства и патриархальных семей, превращается в реальную куплю-продажу. Мы же знаем, что, напротив, на этом этапе существовавшая в патриархальных группах купля-продажа женщины исчезает вовсе.

Х

Анализ вопросов, связанных с калымом и приданым у таджиков, сделанный на основании приведенного нами материала, а также вышеприведенный обзор общей литературы по затрагиваемой проблеме позволяют, как нам кажется, выдвинуть здесь некоторые общие положения.

Брак путем передачи семей жениха или самим женихом семье невесты часто весьма больших ценностей, обычно в виде скота, тканей, продуктов и других предметов, иногда также и некоторой суммы денег, несомненно является продажей-покупкой женщины и потому по праву может быть назван браком покупкой.

Брак покупкой, путем уплаты за жену выкупа — калыма, является характерным для эпохи патриархальных отношений и непосредственно связан с существованием большой патриархальной семьи, хотя зарождение его относится к более раннему периоду.

Известно, что в эпоху господства парной семьи преимущественной формой брака являлся так называемый ортодоксальный брак, брак по праву определенного родства, в силу которого каждый юноша уже по своему рождению имел право на брак в определенном кругу, в определенном роде, среди группы девушек, потенциально могущих стать его женами.

В нашей науке твердо установлен тот факт, что все первичные формы семьи, включая также и только что упомянутую парную семью, не являлись ни формой общежития, ни экономической единицей. Таковой в эпоху парной семьи являлся род. Первой формой семьи, включавшей в себя эти особенности, т. е. явившейся одновременно и формой общежития, и экономической единицей, стала патриархальная семья, или патриархальная семейная община.

Появление патриархальной семьи обусловлено новыми общественными отношениями, образованием новых источников богатства, развитием частной собственности и сосредоточением ее в руках мужчины. Эти же причины вызвали к жизни и новую форму брака — путем покупки, которая вытекает из особенностей новой формы семьи, из того обстоятельства, что семья эта сложилась в виде экономической единицы, а также из того, что при этой новой форме семьи впервые господствующую роль занял мужчина, а женщина оказалась в приниженном, подчиненном положении. «С рабочей силой, в особенности после того как стада окончательно перешли во владение семей, произошло то же, что с жёнами, которых раньше добывать было так легко и которые приобрели теперь меновую стоимость и стали покупаться»¹, — говорит Энгельс, характеризуя новый порядок вещей, приведший к образованию патриархальной семьи.

Если брак покупкой становится основной формой брака в период господства патриархальной семьи, то его зарождение следует отнести, вероятно, к более ранней стадии.

На нашем материале по таджикам и соседним народам этот вопрос проследить не представляется возможным. Однако многочисленные факты, известные нам по материалам других народов, и общетеоретические построения заставляют думать, что брак покупкой, может быть еще в зачаточной своей форме, существовал на стадии отцовского рода, предшествовавшего патриархальной семейной общине и уже содержавшего в себе те тенденции, которые затем развились и окончательно оформились в патриархальной семье.

Что касается материнского рода, то нельзя говорить о существовании брака покупкой на этой стадии общественного развития. Естественно, что этот вопрос стоит еще дальше от анализируемого нами в данной работе материала. Мы можем здесь выдвинуть лишь некоторые теоретические соображения. Энгельс, характеризуя эпоху материнского рода и парной семьи, пишет: «Тогда как при прежних формах семьи у мужчин никогда не было недостатка в женщинах, а, напротив, их скорее было более чем достаточно, теперь женщины стали редки и их приходилось искать. Поэтому со времени возникновения парного брака начинается похищение и покупка женщин, служащие широко распространенными *симптомами*... происшедшей, лежащей гораздо глубже перемены...»². И затем, далее: «Перед свадьбой жених делает подарки родичам невесты (т. е. её родственникам со стороны матери, но не отцу и его родственникам); эти подарки считаются выкупом за уступаемую девушку»³. Эти слова Энгельса следует понимать в том смысле, что на указанной стадии, можно думать, уже в период упадка парной семьи и материнского рода, намечаются тенденции к появлению брака покупкой, тенденции, обусловлен-

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1948, стр. 64.

² Там же, стр. 47.

³ Там же.

ные причинами, о которых мы говорили выше и которые не только привели в конечном счете к становлению патриархальной семьи, но и вызвали еще раньше этого переход от материнского к отцовскому роду.

В нашу задачу не входит рассмотрение вопроса о наличии фактов платы за невесту на стадии материнского рода и анализ этих фактов¹ с точки зрения определения, имеем ли мы в данном случае дело с уже разлагающимся материнским родом, моментом перехода к отцовскому роду или нет. Мы лишены здесь также возможности определить внешние формы появления брака покушкой, которые различные исследователи видят то в выкупе детей из материнского рода, то в выкупе самой жены, то в компенсации за передачу детям родового имени отца.

Оставляя в стороне все эти вопросы, мы склонны принять лишь то положение, что брак покушкой появляется, растет и крепнет вместе с появлением и ростом патриархальных тенденций под влиянием новых общественных отношений и достигает своего наибольшего развития в эпоху расцвета патриархальных отношений, в эпоху господства патриархальной семьи.

Можно утверждать, что в условиях Востока брак покушкой, калым, являлся атрибутом патриархальной семьи.

Наметив, таким образом, время возникновения и появления брака покушкой, т. е. института калыма, и период его расцвета, нам следует определить и время исчезновения этого института, а также указать причины его гибели. По последнему вопросу мы располагаем собственным материалом на примере таджиков, который подтверждается и материалом по другим народам. Материал этот говорит нам о том, что вместе с гибелью патриархальной общины, с разложением патриархально-натуральных условий жизни, другими словами — с появлением товарно-денежных отношений и пришедшей на смену патриархальной общине индивидуальной, малой семьи, отмирает и калым.

Каковы же причины отмирания калыма? Ведь те же факторы, которые вызвали к жизни брак покушкой, — накопление богатств, рост разделения труда, обмена, развитие частной собственности, — не только продолжают действовать, но и усиливаются в эпоху разложения патриархальных отношений, разрушения патриархальных общин и появления им на смену малой семьи. Малая семья, так же как и ее предшественница — семья патриархальная, продолжает оставаться хозяйственной единицей, и главенство в ней принадлежит также мужчине. Повидимому, имелись какие-то особые обстоятельства, помимо всех указанных причин, которые давали возможность институту калыма существовать и даже процветать в эпоху патриархальной семьи и приводили его к гибели, когда патриархальная семья разрушалась.

По нашему мнению, причины эти коренятся в различии экономического положения патриархальной семьи, с одной стороны, и малой, индивидуальной семьи, — с другой.

Нам пришлось уже выше указать на то обстоятельство, что в связи с разложением патриархально-родовых отношений эволюция калыма шла по линии постепенного сужения круга лиц, плативших или получавших калым, от широкой группы агнатных родственников к одному лицу — отцу жениха или невесты. Чем сильнее были патриархально-родственные отношения, чем шире был круг сородичей, чем многочисленнее была

¹ См., например: М. О. К о с в е н. Матриархат. «Ученые записки МГУ», вып. 61. «История», т. II. М., 1940, стр. 103, 105, 109, 114 и др.

патриархальная семейная община, тем больше лиц участвовало в платеже или получении калыма, тем крупнее и богаче мог быть калым. Напротив, распадение патриархально-родовых связей и постепенный, но неуклонный процесс распада патриархальных семейных общин сокращали возможности уплаты калыма, приводили к уменьшению его размеров. В конечном результате, когда патриархальная община окончательно распалась и выделились малые индивидуальные семьи, выплата мало-маленького значительного калыма не только становилась невозможной, но и грозила подрывом хозяйственного базиса малой семьи, экономически крайне слабой и еще неустойчивой. Калым грозил самому существованию этой новой общественной ячейки, пришедшей на смену патриархальной общине, он мешал ее развитию, и с разложением патриархальных отношений калым постепенно исчез, так что остались лишь его пережитки.

Такова основная причина исчезновения калыма. Мы не должны забывать, что процесс исчезновения калыма в горном Таджикистане под влиянием разложения натурального хозяйства и патриархальной семьи еще не был закончен до Великой Октябрьской социалистической революции. Советская власть запретила калым; наряду с этим в Таджикистане партийно-комсомольские и советские организации проводили большую разъяснительную работу о роли и сущности калыма. В результате всех этих мероприятий, а также в результате повышения культурного уровня населения и изменения сознания колхозного крестьянства, калым исчез окончательно.

Заметим, что в классовом обществе исчезновение калыма отнюдь не означает, что изменилась самая основа брака, что брак потерял свой характер прежде всего экономической сделки, что с исчезновением калыма можно говорить о какой-либо свободе выбора для брачующихся, о браке по взаимной склонности. Не вдаваясь в рассуждения по данному вопросу, напомним здесь замечательные слова Энгельса, сказанные по данному поводу: «А когда частная собственность получила перевес над общественной и вместе с заинтересованностью в наследовании господствующее положение заняли отцовское право и моногамия,— заключение брака стало целиком зависеть от соображений экономического характера. *Форма брака* посредством купли исчезает, но по существу этот брак всё шире распространяется, так что не только женщина, но и мужчина оценивается не по своим личным качествам, а по своему имуществу»¹.

Следует сказать несколько слов о причинах возникновения приданого, которое является вполне самостоятельным институтом и которое, как мы пытались показать раньше, также возникает уже в период разложения патриархальной семьи, при выделении малых индивидуальных семей. Положение, выставленное М. О. Косвеню и цитированное выше, что выделение малых семей «ведет к необходимости для каждой молодой пары создавать свое отдельное хозяйство, а для этого в новых экономических условиях необходима посторонняя помощь», кажется нам вполне удовлетворительным объяснением появления приданого. Обе стороны, родители как жениха, так и невесты, озабочены обеспечением новой экономически слабой семейной ячейки.

Несколько выше нам пришлось говорить о судьбе приданого у таджиков, со ссылкой на нашу более раннюю работу. Отмеченная нами борьба вокруг приданого в разлагавшихся уже патриархальных общинах в

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1948, стр. 90.

долине Ванджа являлась отображением борьбы между патриархальной семьей и вновь нарождавшейся малой семьей, в корне заинтересованной в принесении женщиной с собой приданого. Эта борьба является наглядным доказательством справедливости нашего положения о позднем возникновении приданого. Ведь не следует забывать, что выдача девушке ее отцом приданого в более ранний период была бы бессмысленна. Оно немедленно растворилось бы в общем, нераздельном имуществе патриархальной общины.